

ХОЧУ НА РАДИО

«или почему на
радио работать
не стоит»

АНДРЕЙ ХРУСТАЛЕВ
АЛЕКСАНДР КРЕМОВ

Александр Кремов

**Хочу на радио «или почему
на радио работать не стоит»**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)

Кремов А.

Хочу на радио «или почему на радио работать не стоит» /
А. Кремов — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2017

Книга адресована тем, кто хочет работать радиоведущими. Посвящается, тем,
кто радиоведущими работать не хочет – родным, близким, друзьям.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)

© Кремов А., 2017
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2017

Содержание

Предисловие к книге	6
Предисловие к первой части	8
Радиоведущие	12
Часть первая. дневной эфир	14
Дневной ведущий	15
СССР	19
Девяностые	24
Девяностые (продолжение)	27
Наше время	31
Формат	34
Ведущий против начальника	37
Несовпадение ведущего и радио	39
P.S.	41
Радио «Гостиный Двор»	42
Грань веков	44
Последний рубеж	49
Исповедь виновника скандального эфира	50
Конец разгулу девяностых	56
Радиоведущий: взлет и падение	63
Работа в эфире	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Кремов, Андрей Хрусталеv Хочу на радио «или почему на радио работать не стоит»

© А. Хрусталеv, 2017

© А. Кремов, 2017

© ИТД «СКИФИЯ», 2017

* * *

Все персонажи этой книги не вымышлены. Любое совпадение с реальными людьми **неслучайно**.

Благодарим всех известных и неизвестных людей, которые вольно или невольно стали героями этой книги. Воистину, никогда не знаешь, кто напишет о тебе в следующий момент...

Радио – чудесная штука: одно движение пальца, и ничего не слышно.

Юлиан Тувим

Предисловие к книге

Радио?

А разве известно о нем не все?

Ему больше ста лет – зачем старичка тревожить?

По телевизору сто раз показали унылого человечка в наушниках у микрофона. Радиоведущие рассказали про свои скучные «эфирные оговорки» в каком-нибудь невзрачно-проходном интервью. На радиокурсах вы узнали «ценную информацию» о джинглах, плейлистах и форматах...

И вот вы уже знаете всё. Всю «радиокухню» до последней кастрюли.

Но нам кажется, вы ошибаетесь. Точнее, уверены: вы не знаете о ней ничего!

Дело в том, что разговоры о радио у нас бывают двух видов. Это либо веселые байки о забавных случаях в эфире. Либо невеселые инструкции по использованию незабавной техники.

Но никто рассказал про становление российского радио. Никто не показал, как оно развивалось. Никто не дал конкретных инструментов – ни для работы в эфире, ни для устройства на работу в эфир.

Швы эфирных тайн давно выворочены наружу. Но как это все пошито, неясно и до сих пор. Все вроде бы показано и рассказано. Но внятности по-прежнему нету. Неясное обрастает мифами. Мифы сгущаются в плотный туман.

И этот туман мешает.

Одним – «правильно» слушать эфир. Другим – продуктивно в эфире работать. Третьим – стать радиоведущими.

Ведь даже сегодня, когда «идеальная работа» – это просиживание в офисе Газпрома (а идеальная неработа – быть популярным видеоблогером), многие ребята хотят стать радиоведущими. Но мало кто из них представляет как это желание осуществить. С чего начать? Как работать? Как, вообще, на это радио попадают?

А устроиться туда не так уж и сложно. Главное – понимать зачем.

Ответить на этот вопрос – одна из-задач этой книги. В ней мы расскажем о радио самое важное: что это такое вообще, и почему оно таково, каково оно есть.

Пора раскрыть тайну: кто такие эти радиоведущие на самом деле!

А также показать как все это работает изнутри; поведать о четырех главных путаницах, связанных с радио; ну и конечно, подсказать, как на эту работу устроиться.

Вы полный чайник? Но хотите стать радиоведущим? Проблем нет. Постараемся вам помочь. Для этого нужно понять:

- 1). Что такое радио.
- 2). Как на нем работать.
- 3). Что надо делать в эфире.
- 4). Чего в эфире делать нельзя.
- 5). Как правильно управлять голосом.
- 6). Как строить эфирный образ.
- 7). Как шутить.
- 8). Как не бояться микрофона.
- 9). Как брать интервью.
- 10). И главное: а нужно ли все это вам вообще?

Одним словом, мы попробуем избавить вас от траты денег и времени на всякие радиокурсы (включая наши).

Если же выяснится, что эта профессия – тема не ваша, что ж, и в этом случае вы не потратите время зря. Уверены: многое из написанного вам все-таки пригодится. Поскольку ведущим можно быть не только на радио. Быть ведущим по жизни – тоже хорошая вещь.

Вы уже ведущий? Вы работаете на радио? И эта дурацкая книжка вам не нужна? Вы перелезли через забор эфира? Вы давно за пограничным столбом? Вы «закрытая радиокаста»? И сами знаете, что к чему? Но приглядитесь – за забором все та же темень. Просто вы теперь часть этой мутной тьмы.

Согласитесь, понятного очень мало. Есть нормированное, заведенное однажды и навсегда. Но попробуйте все это «разложить на множители». Попробуйте-ка научить других. Не правда ли, все «ясное» сразу же расплывается? Понятное становится миражом.

Методика распадается на байки и анекдоты. Внятных ответов – нет. За этим забором сплошные тени. Их видно, но ухватить – никак...

Взглянуть на радио объективно – трудно. Причем непросто и тем, и другим. И слушателям: они его видят только снаружи. И радиоведущим, поскольку они глубоко внутри.

Мы решились. Просто задумались. И взглянули на все это со стороны.

Ну а если это радио вам вообще не сдалось. Если оно не «мечта», а только звуки в приемнике. Для вас мы приготовили те самые «веселые радиобайки». Кому же еще их рассказывать, как не тем, кто проработал на радио 20 лет?

Предисловие к первой части

Итак, привет, мы Кремoв и Хрусталеv.

Вот почти уже четверть века мы – ведущие на радио.

За всю нашу неприлично долгую эфирную жизнь нам довелось побывать во всех концах радиосвета.

Мы работали на разных станциях. В разных частях эфира. В разных городах. В разных эпохах. И даже на разных радиодолжностях. (Кремoв был программным директором целой питерской радиостанции.)

И опершись на свой бесстыжий по огромности опыт, можем уверенно заявить: есть два популярных вопроса. Их радиоведущим задают чаще всего:

Вопрос № 1: «**Как вы попали на радио?»** и вопрос № 2: «**Как можно на радио попасть?»**».

И если ответ на первый вопрос – это лишь маленькая радость неискушенных вниманием работников радиоэфира, а они, в отличие от своих телевизионных коллег, не пользуются столь широкой популярностью у тех, кто берет интервью.), то вопрос номер два вообще не имеет смысла. Это все равно что спросить: а как попасть в аэропорт?

В какой конкретно аэропорт? Зачем вам в аэропорт? Лететь? Провожать? Встречать? Устроиться туда на работу?

Кем вы хотите туда устроиться? Уборщиком, грузчиком, контролером? Заправщиком, мойщиком, или хотите водить самолет?

И не дожидаясь ответа на неправильный вопрос, зададим себе два других – правильных.

Первый:

НА КАКОЕ РАДИО Я ХОЧУ УСТРОИТЬСЯ?

И второй:

КЕМ ИМЕННО Я ХОЧУ ТАМ РАБОТАТЬ?

А также – пару общих вопросов:

ЗАЧЕМ МНЕ ВООБЩЕ РАДИО?

и

ЧТО Я СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ, МЕЧТАЯ О РАБОТЕ НА НЕМ?

Как-то наш друг dj Алексей Цветков рассказал такую историю.

Дело было в начале двухтысячных годов. В те времена к нему на радио ходили толпы поклонниц. Много разных молодых и не очень девиц. Они приходили вечером. Они приходили утром. А иногда они приходили не сами.

Их ему... приводили...

И вот однажды Цветков выходит на улицу. И видит у входа двух поджидающих его милых дам. Наш герой в своей жизни видал многое. Но даже он от удивления открыл рот.

Все дело в том, что возраст «подружек» имел впечатляющие отличия. Как будто одна из них была дочкой, а другая – мамой.

Вы не поверите, но было именно так!

Оказалось, заботливая мамаша привела свое чадо диджею. В паутину одноразовой и быстрой любви. Привела и сказала: «Здравствуйте, Алексей, это моя дочка Катя. Она ваша поклонница и очень хочет, чтобы вы были с ней... Вы не подумайте, она совершеннолетняя... Возьмите ее, пожалуйста, Алексей, с собой...»

Неважно, чем закончилась эта история. Важно, что она соответствует мифу о «красивой жизни» радиозвезд.

Так вот, если желая работать на радио, вы грезите о чем-то подобном, тогда скорей подставляйте горло вашей мечты – мы сразу же на него наступим: увы, вас ждет легкое разочарование!

Почему?

Ну во-первых, потому что Цветков – диджей. А это тот, кто крутит пластинки и необязательно работает на радио. А если и работает, то не обязательно, говорит в микрофон. (Случай Цветкова – исключение. Он и крутит, и говорит.)

Профессия «диджей» – «крутить музыку» в клубе. А не развлекать разговором людей. Диджей и ведущий – не одно и то же. Как не одно и то же – таксист и таксидермист.

Отсюда – **пуганица номер один:**

**ДИДЖЕЙ – СОВЕРШЕННО ДРУГАЯ ПРОФЕССИЯ. И НАША
КНИЖКА ПОСВЯЩЕНА НЕ ЕЙ.**

Во-вторых, дело было давно, и «диджейство» утратило свою культовость: толпами за ведущими и диджеями больше никто не ходит.

А в-третьих...

А в-третьих, вернемся к первому из наших вопросов: так на каком же радио вы хотите работать?

Чтобы лучше это понять, нам нужно кое-что совершить.

Для начала мы должны произвести хирургическую операцию. Давайте-ка возьмем в руки нож.

Нам нужно **отделить радио от радио.**

Необходимо четко понимать: радиостанции бывают разными! И не только в смысле названий, но и по своему главному назначению. И здесь мы особенно подчеркнем.

ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ ДЕЛЯТСЯ НА ДВЕ РАЗНЫЕ ГРУППЫ.

Разрежем наш радиоторт пополам.

Первая группа – это радио **разговорные** (или «информационные», что менее точно.)

Как их отличить?

Если вы включили приемник на случайной волне, и услышали новости. А потом – их обсуждение. А потом обсуждение этого обсуждения и еще немного обсуждения обсуждения новостей – это и есть оно, «разговорное» (информационное) радио.

Эти «разговорные» радиостанции в свою очередь тоже делятся на две условные группы.

Первая группа – это радио «информационно-аналитические».

К ним относятся: «Эхо Москвы», «Бизнес FM», радио «Говорит Москва» и т. д.

На этих радио практически нету музыки. Бывает заскочит шальная песня в эфир. Но тут же спохватится и с ужасом убежит. Песни тут выглядят нелепо и даже тревожно. Как «Лебединое озеро» по телеку среди белого дня.

В общем, музыки здесь почти не бывает. А наполнение эфира – бесконечные разговоры.

Другая группа «разговорных» радио – это станции «информационно-развлекательные».

Радио «Маяк», «Серебряный Дождь», «Столица FM»...

Здесь тоже все «заточено» под разговоры. Но, в отличие от радио «информационно-аналитических», на них можно услышать и музыку и развлекательные передачи...

Но основная начинка и тех и других «разговорных» станций – это новости, аналитика, гости.

Ведущие на этих радио – как правило, журналисты. А также публицисты или те, кто хочет на них походить.

Главный «товар» здесь – содержание. А основные его проводники – ведущие (журналисты). Они на этих станциях – ядро эфира. Без них тут мрак, тишина и «Лебединое озеро» днем.

Вторая большая часть нашего торта, – это радио **«музыкальные»**.

Это все множество музыкальных каналов. От «Радио Ваня» до «Радио Алла». От «Русского Радио» до нерусской «Европы Плюс».

Музыкальные радиостанции неоднородны. Они также между собой различаются. Делятся они по принципу так называемого формата...

Наверное, это слово возникло в нашем повествовании слишком рано. Но все же скажем о нем авансом несколько слов.

Что же это такое?

Ну как вам сказать...

Формат – ну, это как девушка. Приятелю нравится, а вам – нет. Что, у вас плохой вкус? Или вкуса нет у приятеля? Да нет, они просто разные. У вас один вкус, а у него другой.

Или, скажем, как магазин. Есть продуктовый, а есть – для лыжников. И тот и другой – магазины. Но существует, как говорится, нюанс: разные вывески, разный товар.

Так же и на музыкальных радио. Везде песни, но везде как бы разные. И там и там музыка, но для одного – музыка, а для другого – нет.

Впрочем, что касается российских музыкальных радио, то они не слишком-то блюдут форматную чистоту. И в «спорттоварах» тут могут приторговывать гречей. На рок-станциях у нас может «гулять» попса; на попсовые радио – заблудится шансон; на «Шансон» – заглянуть эстрада...

Все боятся «пропустить всенародный хит». Все опасаются быть слишком оригинальными. Все смотрят друг на друга и делают «как у всех», став жертвами «информационного каскада». («Информационный каскад» – это убеждения, которые формируются на основе информации, полученной в результате наблюдений над поведением или мнениями других.)

Поэтому музыкальные радио у нас порой – не магазин, а рынок. Торгуют всем подряд – от урюка до лыж. Без всякого там «форматного фундаментализма».

Но все эти **музыкальные** станции – музыкальные. И как несложно догадаться, главное здесь – музыка. А поэтому все остальное – разговоры, приколы, новости – вещи второстепенные. Все они подчинены песням. Музыка здесь – королева. Несменяемый, авторитарный глава.

Соответственно, и ведущий – фигурант здесь тоже не главный. Он не звезда, а эпизодический актер.

Но давайте обо всем по порядку.

Не будем притворяться, что с помощью книжки мы сможем научить журналистике. Это пахнет шарлатанством (или коммерческим лукавством, чтоб никого не обижать). Оставим вопрос о том, как устроиться на радио «первого типа», кому-нибудь другому.

Таким будет наше второе ограничение, связанное с **путаницей номер два:**

СМЕШЕНИЕ В ОДНУ КУЧУ ИНФОРМАЦИОННЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ РАДИО.

Вы выбрали информационное радио?

Тогда, увы, серьезно помочь мы вам здесь не сможем. Даже не будем стараться, чтобы не профанировать профессию «журналист».

Если вы хотите работать на информационном радио, вам нужно почитать другие книжки. (Хотя и нужно признать: нормальной литературы по этой теме у нас практически нету.)

Эта книжка – не пособие для радиожурналистов. По крайней мере – пособие недостаточное. В ней мы будем говорить и об интервью (возможно, даже подробнее, чем следует). Но все же не слишком выходя за пределы того, что нужно ведущим музыкального радио.

Последнему мы и посвятим наш рассказ.

Итак:

МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ О МУЗЫКАЛЬНОМ РАДИО.

Так почему же именно музыкальное радио? По четырем причинам:

- 1). Потому, что работать на музыкальном радио нигде не учат. (В отличие от радио первого типа. Для этого существуют журфаки.)
- 2). Потому, что работать ведущим на музыкальном радио можно научиться даже с помощью книжки. (В отличие от радио первого типа.) Профессия эта не слишком замысловатая.
- 3). Потому что устроиться работать в эфир с «нуля» вы сможете, скорее всего, сюда – на радио музыкальное.
- 4). По той несложной причине, что именно ему мы с коллегой посвятили большую часть своей работы в эфире. Знаем, так сказать, клиента в лицо.

И здесь возникает наш второй насущный вопрос:

КЕМ ВЫ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ НА МУЗЫКАЛЬНОМ РАДИО?

Конечно, ведущим, скажете вы, а кем же еще?

Ну, во-первых, в эфире работают не только ведущие. Ведь есть же еще такая профессия, как «новостник». «Новостник» – это человек, подготавливающий новостные сюжеты и читающий их в эфире.

И если вы мечтаете о подобной должности – эта книжка вам не нужна. Достаточно открыть в интернете новости и тренироваться читать их до посинения вслух. (Или прочесть одну из глав этой книжки, где мы рассказываем об интонации.)

Мы же будем говорить про ведущих. Не про диджеев, новостников, не про актеров, озвучивающих рекламу – нас интересуют только ведущие!

И это – ограничение номер три. Здесь, как видите, у нас возникает **третья путаница:**

РАБОТНИК ЭФИРА НА РАДИО – ЭТО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕДУЩИЙ

А во-вторых, и сами ведущие бывают разные!

Поэтому следующий вопрос звучит так:

КАКИМ ВЕДУЩИМ ВЫ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам снова необходимо кое-что сделать.

Нам нужно взять в руки скальпель и снова кое-кого покромсать. На сей раз на две части нам нужно «разрезать» самих ведущих. Не бойтесь, это не больно.

Итак.

Радиоведущие

На своих радиокурсах (иногда мы таковые ведем) мы задаем ученикам вопрос:

КАКОВА ЗАДАЧА РАДИОВЕДУЩЕГО?

Ответов бывает много. Но все они, в строгом смысле, неправильные.

Почему?

А потому что некорректен сам наш вопрос. Вопрос этот наш с подковыркой.

Ведь с таким же успехом можно спросить: а что лечит врач?

Зависит от того – какой именно. Стоматолог лечит одно, уролог – другое. И если к стоматологу придти с урологической проблемой – не жалуйтесь: может выйти конфуз. Такой же, как если урологу поставить задачу вылечить зубы.

Радиоведущие, как и врачи, тоже бывают разные. На музыкальном радио – их два типа (не считая новостника).

Первый тип радиоведущего на музыкальном радио – это **ведущий программ**.

К программам мы относим все авторские, познавательно-просветительские, развлекательно-юмористические передачи.

И в первую очередь – это так называемые утренние и вечерние шоу.

В программах ведущий играет центральную роль. Он шутит (если может). Информировывает (если умеет). Интервьюирует (если способен). Высказывает свое мнение (если оно у него есть) ... В общем, здесь, как и журналист на информационном радио, он фигура краеугольная. (Об этом типе ведущего мы будем говорить во второй и третьей частях книжки.)

Знаем по опыту: большинство из тех, кто хочет работать на музыкальном радио, желают стать именно ведущим программы. Оно и понятно: ведущий этого типа – не придаток к песням, а самостоятельная фигура. Его слушают не из-за музыки, а ради него самого. Возможностей для творческой реализации на этой работе достаточно.

Это хорошая новость.

Новость плохая: не имея опыта работы, вы едва ли сможете в эти «программы» устроиться. Если, конечно, ваш папа не директор радиостанции. Или вы – не любовница этого «папы».

Но шанс у вас все-таки есть!

И этот шанс – второй тип ведущего на музыкальном радио.

А это – так называемый **ведущий дневного эфира**.

Для краткости, будем называть его просто – «дневник». Это имя мы придумали ему сами. Поскольку даже с названием этой профессии есть огромные сложности. Никто не понимает толком, как ее правильно называть.

Официально она называется «оператор эфира».

Но нам это наименование кажется мрачно-серьезным и сантехническим. И каким-то уж совсем уничижительным. И к тому же оно совершенно мертвое: ни слушатели, ни сами ведущие так друг друга не называют. А если и называют, то чтобы смертельно обидеть. Поэтому избавимся от него, не успев ввести в обиход.

Есть у этих работников и другое название – «ведущий линейного эфира» (ведущий линейки).

Но и оно достаточно неуклюже. А главное – не слишком корректно. Ведь «линейный» – значит прямой.

А что, весь остальной эфир на музыкальном радио – кривой? Ведущие утреннего и вечернего шоу также работают в прямом, то есть в линейном эфире.

Конечно, можно бы было этот тип эфира именовать «музыкальным». Это название намного точнее. Поскольку главное в этом эфире – музыка, а не разговоры и что-то еще.

Но как-тогда называть ведущего? «Ведущий музыкального эфира»? Длинно. «Музыкальный ведущий»? Странно. И к тому же это название подходит и к диджеям. Ведь некоторые из них «ведут на радио музыкальный эфир».

А диджей и ведущий – это как геолог и гинеколог. Похоже, конечно, но...

«Дневной ведущий» – это название нам кажется наиболее соответствующим.

Так вот, «дневной» он в том смысле, что время его работы в эфире – божий день. Примерно с 11:00-12:00 (сразу после утреннего шоу) и где-то до 19:00-21:00 часов, до начала вечернего шоу (если оно есть).

В целом же, весь эфир музыкальных станций делится на три части: дневной эфир, утреннее шоу, вечернее шоу.

Ночь мы трогать не будем. Поскольку на современном радио это эфирное время не играет серьезной роли. Ночью большинство нормальных людей спят. А значит, и ведущие в это время тоже нужны не слишком.

Конечно, ночные ведущие на музыкальном радио бывают. Но, во-первых, далеко не на каждом. А во-вторых, принцип работы ночных ведущих ничем не отличается от работы дневной. Это такой же «дневник», но только «ночник»...

Так вот, нас с вами интересует только три части эфира – дневной, утренний и вечерний.

На такие же три части мы и разделим нашу книжку:

«ДНЕВНОЙ ЭФИР», «УТРЕННЕЕ ШОУ» и «ВЕЧЕРНЕЕ ШОУ».

В первые двух частях книги повествование идет от лица Хрусталева. Третья часть – «Вечернее шоу» – написана примерно наполовину: в начале этой части от первого лица говорит Кремов, но периодически появляется и Хрусталева.

Начнем мы с наиболее существенной и самой продолжительной части эфира – с эфира дневного.

А именно – с его главного псевдогероя – дневного ведущего («дневника»).

Так кто же это такой? В чем смысл, цель и задача его работы? А это и есть наш главный вопрос.

Часть первая. дневной эфир

*Если тебе нечего сказать, ничего не говори. Поставь пластинку.
Пьер Бриф, директор французского радио «Монте Карло».*

Дневной ведущий

Так кто же это такой – ведущий дневного эфира?

А это такая кукушка в часах. Появляется редко, но постоянно. Выскочит на секунду в эфир и исчезнет на тридцать минут.

Это тот персонаж, которого слышно всюду: в машине, в магазине, в маршрутке... Везде, где включен приемник, настроенный на музыкальный канал. Слышите, но особо не слушаете. Он не слишком радуется, но и раздражает не сильно. Он все время как бы в эфире, но в эфире его как бы и нет.

Это тот малый, что изредка мурлыкает в вашем динамике. Где-то на фоне музыки приятно журчит. Что-то мило лепечет между песнями и рекламой. О чем-то звонко чирикает или душевно щебечет.

Это такой термометр, будильник и навигатор в одном флаконе. Наскоками сообщающий о времени, градусах и о том, где сейчас затор.

Узнали?

Да, это он, тот самый домовый, что поселился в нашем приемнике. Безобидный жилец, что прописался в наших ушах. Уютно обосновавшийся между песенкой «Моя дорогая» и дурацкой рекламой «недорого такси»...

Так какова же задача этого «барабашки»?

Этот вопрос мы и задаем нашим ученикам.

Мы спрашиваем у ребят: «А кто, по-вашему, это такой – ведущий дневного эфира на музыкальном радио? Какова его миссия? В чем его смысл?»

Ответы юных идеалистов обычно бывают такими: «информативный», «развлекательный», «образовательно-просветительский». Да, дорогой друг, бывает даже и так!

Мы не находим эти ответы соответствующими действительности. И поэтому задаем им другой вопрос:

«А когда в последний раз вы слушали музыкальное радио?»

Ответ не заставляет себя ждать: «Сегодня!» – выкрикивают довольные собой ребята.

Спрашиваем еще: «А вот этого „полтергейста“, что-то говорящего между музыкой, сегодня кто-нибудь слышал?»

Глаза немного тускнеют. Но все же находится активист: «да, вроде бы слышал, как раз сегодня...» – не слишком уверенно отвечает тот.

И вот тут, гвоздем в крышку гроба, мы вколачиваем смертельный вопрос: «А ты помнишь, что этот ведущий говорил в эфире?» Не считая времени, погоды и пробок. Их мы отбрасываем, как информацию типовую, – то есть стандартную для всех «дневников».

Если кто-то все же выпаливает: «Он сказал, что московское время пятнадцать часов десять с половиной минут!», тогда этому «фанату московского времени» мы еще раз напоминаем: время и погода не в счет! Поскольку это «внешняя информация», а не собственный «креатив» ведущего.

И вот тут-то взоры окончательно меркнут. На лица набегают мрачные тени. На лбу появляется морщинка – признак раздумья. Люди разгадывают самый сложный вопрос бытия!

Мы провели не один десяток подобных курсов. Общались с сотней умных и образованных учеников. Засыпали их не одним килограммом сложных вопросов, на которые они достойнейшим образом отвечали...

Но этот последний вызывает оцепенение. Гипнотический ступор – ответа нет!

Как так? В чем дело? Что ставит в тупик? Ведь, кажется, нет более естественного вопроса! Для тех, кто хочет работать на радио, вопрос этот должен быть самым простым!

Так почему же люди не могут вспомнить того, что ежедневно говорит этот самый дневной ведущий?

Ответ простой: именно потому что он **не говорит ничего!**

Ничего важного и интересного!

Кроме информации о погоде и пробках. (Но и она для человека со смартфоном в кармане уже давно не слишком большой секрет.)

Действительно: чаще всего дневной ведущий говорит в эфире о пробках или погоде!

Включите музыкальное радио во время речи ведущего и с вероятностью 90 % вы услышите, как он рассказывает о градусах или заторах. (Или читает какое-нибудь рекламное объявление.)

Да, это так.

Но разве больше наш герой не говорит ничего?

Конечно, говорит.

Но не несет при этом ни информации, ни, спаси Господи, образования!

Цель дневного ведущего – не развлечение и просвещение. Его нехитрая задача – в другом. Состоит она в двух вещах:

1). **Сообщение.** Сообщение универсальной, актуальной информации. А универсально-актуальная информация в данном случае – это время, погода и пробки. (В этом заключена содержательная часть его работы.)

2). **Настроение.** Какое-то ненавязчивое «эге-гей». (А это эмоционально-развлекательная часть.)

Что такое настроение? И чем оно отличается от развлечения?

Возьмем для примера кино.

Развлечение – это когда мы смотрим фильм в первый раз. Когда сюжет неизвестен – нам интересно. Когда же мы смотрим кино во второй или в сороковой раз (как, например, ваши бабушки фильм «Ирония судьбы» перед Новым годом), то интересным это уже не назовешь. И уж тем более нельзя сказать, что это захватывает.

Зачем мы пересматриваем старые, не раз виденные нами фильмы? Или переслушиваем старые песни, которые слышали тысячу раз? Сюжет, мелодия, слова нам давно хорошо знакомы. Ничего нового найти в них уже нельзя – тогда зачем? Конечно: для НАСТРОЕНИЯ!

Для этого же нам и нужен «дневник»! Он как старое доброе, известное всем кино. Уже не интересно, зато приятно. Уютно, привычно и как-то даже тепло.

Сообщить, оживить, создать приятный «эфирный климат» – вот смысл его несложной эфирной задачи.

(Что касается прочтения дневным ведущим рекламы, то это задача не «эфирная», а коммерческая. Реклама больше нужна работникам станции, чем слушателю.)

Именно поэтому дневного ведущего так редко можно услышать в эфире. Его голос среди музыки выловить нелегко. Он вишенка на торте, а не сам торт. Не наполнение, а дополнение. Не красота, а украшение. Не главный герой, а фон. Вишенка – это прикольно, но необязательно. Ее задача – эстетика, а не смысл.

Так каковы же конкретные задачи этой «вишенки»?

В обязанности дневного ведущего сегодня входит совсем немного:

1). Объявить только что прозвучавшую в эфире песню (требуется не всегда).

2). Проанонсировать треки на предстоящий час (требуется не всегда).

3). Прочитать рекламу (если она есть).

4). Сообщить о погоде и пробках.

5). И разбавить все это каким-нибудь «ой-ля-ля», чтобы создать «позитив» (очень радийное слово).

Шуток от него особо не ждут. Сенсационной информации ждут еще меньше.

И все, что от него требуется – повторим еще раз:

1). **Актуальная информация.** Сообщение о важных сиюминутных событиях. А это, напомним, пробки и информация о погоде.

2). **Создание настроения.** Некая «приятная атмосфера». (Как и за счет чего оно создается, мы расскажем в следующих главах.)

Сознайтесь: ведь, слушая музыкальное радио, вы вряд ли ждете между песен великих и умных мыслей. Гомерических острот вы ищите там еще меньше. Между песнями вам не нужен философ. Таких ожиданий на дневного ведущего давно уже не возлагают.

Его назначение – не остроумие, а обслуживание. Не юмор, а анимация. Не просвещение, а настроение. Не образование, а позитив.

Дневной ведущий на радио – это такой официант.

Да, а что здесь такого? В эпоху «большого сервиса» все мы немножко официанты. Не стоит в наши дни смотреть на эту профессию свысока!

В ресторане официант нужен? Естественно. Без него ресторан – не ресторан? Сомнений нет. Официант может быть классным? Ответ: может. Он может работать так, чтобы вам было комфортно и хорошо? Конечно же, да.

А если он вдруг запрыгнет на ваш стол? А если спляшет на нем гопака? А если наступит ногой в ваш любимый салат «Цезарь»?

Останется ли такой ресторан вашим любимым и впредь? Если да, тогда вам нужен цирк, а не ресторан...

Или, быть может, вы хотите узнать авторитетное мнение официанта? Осведомиться о его воззрениях, о взглядах на жизнь? «Что делать?» «Кто виноват?» «Что первично: материя или сознание?» – разве этого вы ждете от человека с подносом?

Конечно, нет. Вы ждете другого. Точнее, не ждете, в общем-то, ничего. Ничего кроме, ненавязчивого обслуживания – комфорта, учтивости и быстроты.

Разумеется, самому официанту отнюдь не кажется, что он просто обслуга. Он чувствует себя важным, значимым и «большим». Но сервильный смысл его работы, увы, от этого не меняется.

Так же и с ведущим дневного эфира.

Он может считать себя звездой, кумиром, секс-символом... У него даже есть поклонники и сотни друзей в соцсетях. Но его миссия строго обслуживающая. Его задача – исключительно прикладная.

Поэтому ни юмора, ни особого креатива в работе дневных ведущих практически нет.

Информативную часть их работы можно сравнить с объявлением остановок в метро. Никто не будет оспаривать нужность этой задачи? Но и о том, что оглашение станций – есть акт художественного творчества, тоже, однако, не приходится говорить...

Все это нужно понимать тем, кто хочет устроиться работать дневным ведущим!

Еще один вызывающий сложность вопрос.

В психологическом смысле – вопрос главный. Звучит он так:

ПОЧЕМУ ВЫ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ НА РАДИО?

Откуда это желание вообще взялось?

«Деньги?» – ответ неправильный, на радио много не зарабатывают. Конечно, больше, чем в наших школах учителя и врачи в российских больницах. Но тем, кто хочет «рубить бабло», следует заниматься другим. (О том, какая у радиоведущих зарплата и как они зарабатывают дополнительно, расскажем чуть ниже.)

«Прославиться»? – тоже сомнительно. Ведущий на радио не имеет большой узнаваемости. Как, скажем, телеведущий или актер кино.

Желание нести радость людям?.. Как именно вы это будете делать? Приносить социальную пользу?.. Конкретно за счет чего?

Хотите смешить людей? Тогда вам нужно идти в юмористы. Нести просвещение в массы? Устраивайтесь в школу преподавать. Желаете на радио проповедовать нравственность – это, скорее, в психушку. Мечтаете между песнями спасти мир – это уже конкретно в дурдом.

Так зачем? Почему? Что вас так тянет к этому микрофону?

На это вопрос необходимо ответить самим себе. Необходимо, поскольку ответ может выявить, что вам нужно совсем не радио! А может быть, конечно, и наоборот.

Мотивов работать в музыкальном эфире, на самом деле, может быть масса: это и возможность нравиться, не имея эффектной внешности; и любовь к музыке без умения ее исполнять; и мечта реализовать свой «шикарный» голос; и желание поднять самооценку, и надежда справиться с комплексами... (Психотерапевтический мотив тут вообще преуменьшать не следует!)

Но в любом случае для многих людей – это единственная возможность! Уникальный шанс стать относительно известным чуваком!

Повторим: без журналистского образования и эфирной практики вы вряд ли сможете устроиться на информационное радио (если вообще хотите туда устроиться). Зато на музыкальную станцию попасть относительно легко.

А на музыкальном радио для вас есть только одна открытая дверь – это должность ведущего дневного эфира. Поскольку в программы, как мы выяснили, сразу попасть нельзя.

И вот она, **четвертая путаница:**

СМЕШЕНИЕ ВЕДУЩИХ ДНЕВНОГО ЭФИРА С ВЕДУЩИМИ ПРОГРАММ.

А это совершенно разные профессии и задачи! (Конечно, дневной ведущий может работать в программах, а ведущий программ – вести дневной эфир. Но тогда будет меняться и их задача.)

И поэтому наше четвертое ограничение будет таким: в этой части книги мы будем говорить о **дневном ведущем на музыкальном радио.**

Ну что, похоже, и оставшиеся читатели уже готовы соскакивать! Оно и понятно: кому же хочется быть прислугой в кафе! Мечта о прекрасной работе рассыпалась по столу сахаром.

Но не торопитесь!

Во-первых, должность «официанта-ведущего» – это только начало. На лестнице медиа – это лишь первая ступень. (Или на лестнице шоу-бизнеса – в зависимости от вашей цели.) Это просто незапертый вход на радио. А как же еще туда обычному человеку войти?

Ведь вам, скорее, предложат работать в радишоу (или где-то еще в окрестностях шоу-бизнеса), если вы не просто парень-девушка с улицы, а уже сотрудник конкретной станции.

Кстати, многие телезвезды нашей страны «вышли» из обычных дневных эфиров. Дмитрий Нагиев, Алла Довлатова, Иван Ургант. Все они – и не только они – начинали свою карьеру дневными ведущими.

Во-вторых, работа в живом эфире – это практика. Необходимый навык работы с аудиторией и микрофоном.

А в-третьих, не будем принижать профессию «дневника»! Все не так уж и плохо. И даже в его рутинной работе есть место творчеству и много чему еще.

Да и винтиком в машине радио он стал недавно...

СССР

Так почему же такая путаница?

Откуда взялись все эти несоответствующие действительности представления? Почему люди считают, что дневной ведущий – это тот, кто информирует, шутит и вообще яркий, интересный персонаж?

Ну во-первых, из-за той самой неразберихи, где случайно смешали ведущих программ с ведущими дневных музэфиров; музыку – с журналистикой, попсовые песни – с обсуждением общественно-политических тем.

А во-вторых, отечественные радиоведущие когда-то действительно были другими. За крохотный промежуток времени они изменились необратимо.

Дело в том, что за 25 лет с момента распада Союза, наша страна проделала огромный путь. За четверть века мы прожили столько, сколько другие не проживают и за столетия. (Это, вообще, наша национальная особенность: долго спим, а затем нагоняем – чистим зубы, побыстрому строим и рушим миры...)

Когда забор изоляции был снесен, советский человек угодил на «вечеринку капитализма». В уютных семейниках социализма его втолкнули в «свободный мир». Учиться «западным манерам» приходилось экстерном.

Так вот, вначале был СССР.

А что такое СССР с точки зрения телевидения и радио?

Телевизор в позднем Союзе – это всего лишь три кнопки. Вернее, один переключатель с тремя циферками вокруг него. Небольшое мышечное усилие бицепса с трицепсом – и ты уже на другом канале. Пару ударов по корпусу кулаком – и изображение тут как тут.

Но и старания, затраченные на переключение тумблера, были тоже не слишком оправданы. Поскольку все три канала транслировали одинаковую фигню: вручение орденов, пронос каких-то знамен, комбайны... Разгоны демонстраций на Западе, помпезные шествия пионеров неизвестно куда...

Да и названия у этих каналов были нехитрыми: Первый, Второй и – предсказуемо – Третий. И что особенно характерно – канал.

Но дело не только в скудости выбора...

Представьте себе телевидение без развлекательных передач! Ну то есть, развлекательные программы, конечно же, были. Но понять, что они развлекательные, с первого раза не получалось. Хрупкая грань между потехой и вселенской тоской. Сначала нужно внимательно приглядеться, а потом выбирать – тяжело вздыхать или нервно смеяться.

Обычная современная реклама тампонов для советского зрителя была бы праздником!

На рекламу тампонов советский зритель смотрел бы не отрывая глаз. Бросив все – и дела, и любовь, и строительство коммунизма. Поскольку такого экшена советский зритель отродясь не видел. Подобного зрелища не было ни в одной передаче. Показ тампонов затмил бы собою все. И испытание водородной бомбы. И новый спутник земли. И даже полет Гагарина...

Была на советском ТВ и эротика. Тоже весьма специфическая. Ее показывали по несколько раз на дню.

Советского зрителя держали в состоянии эротического возбуждения. Но только днем, поскольку ночью советское телевидение не работало.

В течение дня по всем трем каналам показывали чувственные поцелуи. Лобызания Леонида Брежнева с разными пожилыми людьми. Глубокие засосы генсека сопровождались звонком медалей. Это «эротик-шоу» заменяло собою все – и отсутствие порнофильмов, и программу «Дом 2», и молодежные сериалы.

Была и программа «Время». Информационно-итоговая передача.

Такая же информационно-итоговая, как и сейчас. Но только в отличие от сегодняшней, не смотреть ее советский зритель не имел никакой возможности. Поскольку вечером она была, как воздух, везде.

В 21:00 Останкино врубало неизбежную передачу. И бурной рекой она разливалось по всей стране. Время останавливалась – и начиналось «Время». Бог Кронос поглощал СССР целиком.

Остальной советский телеэфир – это такие вот захватывающие программы: «Сельский час» – передача о занимательных проблемах тружеников села. «Очевидное невероятное» – километровые размышления ведущего о загадках этого мира. «Международная панорама» – поучительные рассказы о том, как загнивает западный капитализм. «АБВГДейка» – обычная детская передача, а не сюрреализм для бывалых взрослых. Программа «А ну-ка девушки!». Нет, это не то, что вы там подумали. И даже не «Камеди вумен» в советском духе. Просто несколько скучных женщин уныло соревновались за звание «лучшей профессии»: кто типа круче – наладчица или укладчица шпал?

Большая радость советского телезрителя – программа «В гостях у сказки». Но не подумайте, что она радовала только детей! Смотрели эту «радость» на безрыбье и взрослые. И рабочие, и воры-карманники, и даже профессора...

«В мире животных» – тоже сугубо праздничная передача. Утеха для советских зверей и людей.

А с 13 до 16 на всех каналах ТВ был обеденный перерыв.

Да, дорогой друг, ты не ошибся: советское телевидение уходило жрать! Все сразу – от операторов до гримеров. От подсобных рабочих до ведущих программ.

Короче, телевидение закрывалось. И три часа на экране не было ничего. Вернее, было, – но что-то очень и очень странное. Совсем не то, что обычно показывают по ТВ.

Все три канала транслировали настроенную таблицу.

Что это, спросите вы, такое за хрень?

Да, вы попали в самую точку. Это была хреновина. Другое название придумать сложно.

Настроенная таблица – это такая странная непонятка. Шизоидная паутина во весь экран. Которая зачем-то еще и гудела. Протяжным, писклявым и нервным гудком. Гудок этот был на редкость противным. Похожим на звуки труб апокалипсиса. Пока работники телевидения кушали, советский зритель наслаждался гудками...

И только после программы «Время» измученного гудками зрителя ожидало сладкое. К столу подавали «художественный фильм». Этим десертом его потчевали один раз в сутки. Точнее, два раза: утром этот же фильм повторяли...

Ведущие на советском ТВ-упакованные в костюм трафареты. Говорили как пойманные шпионы в КГБ: сдержанно, принужденно, как будто боясь наболтать лишнего. Ну а лишнего «партизаны ТВ», надо сказать, не болтали.

Примерно такой же была картина на радио.

Радио – это «газета без расстояний». Так определял его Владимир Ильич. (Так, если что, звали главного советского бога. Два остальных – бог отец и бог святой дух – это Энгельс и Маркс.) И он был прав: тогда это была скорее газета. С современным радио общего не было ничего.

Как вы сегодня поступите, если музыка или программа вам не понравится? Ну конечно: вы, не думая, переключитесь на другую волну!

Тогда же переключиться на другое радио было весьма затруднительно. По одной весьма деликатной причине: других радиостанций не было!

Неужели совсем? – спросите вы. Практически – да. В 90 % советских квартир работала радиоточка.

Что такое радиоточка?

Чудное явление советского бытия.

Радиоточка – это когда радио (приемник) и радио (радиостанция) полностью совпадают. То есть специально заточенный на единственную волну прибор транслировал только один канал. Переключить нельзя, можно лишь выключить. Да и то, поговаривают, не всегда.

Единственный радиоканал «потехами» тоже не баловал.

«Утренняя гимнастика», «В рабочий полдень», «Служу Советскому Союзу» – названия радиопередач не слишком угрожали развлечь. «Пионерская зорька», «На всех широтах», «Вы нам писали», «Мы с вами уже встречались» – все эти программы, как понимаете, отжигу не способствовали.

Зажигать под «Вы нам писали» было не проще, чем под «Сельский час» релаксировать. Бодриться под «Пионерскую зорьку» – как под «Служу Советскому Союзу» плясать.

Иногда днем по будням, транслировали радиоспектакли. Были они добротными – часа так на два, на три. Но советский слушатель об этом не знал. Поскольку днем по будням он был на работе.

Ну и, конечно, советское радио от телевизора не отставало.

В разгар рабочего дня в приемниках смолкало все. Музыка выключалась, программы заканчивались, ведущие покидали студии. Наступал основательный «технический перерыв»!

В случае с радио гудка уже не было. Перерыв здесь сопровождался стуком. Радио не вещало, а почему-то стучало. Стучало ответственно, стучало качественно.

Стучало мерным адовым цоканьем. Стучало щелчками зловещего метронома. Стучало дьявольским сердцебиением. Стучало туканьем загробного дятла.

«Тук... тук» – таким был советский эфир с 15-ти до 16-ти. «Тук... тук...» – такие звуки смаковал советский радиослушатель. «Тук-тук» – стучало советское радио. «Тук-тук» – подпевали ему советские люди...

Зачем во время перерыва был нужен стук?

Сказать трудно.

Возможно, радиоруководство не хотело полностью лишать слушателя развлечения. Пусть, мол, потанцует хотя бы под стуки. Ну и к тому же радиоточка – это все-таки радио. А радио должно звучать даже в обеденный перерыв.

Ну а после всех этих захватывающих гудков и стуков и «Сельский час» казался советскому человеку праздником. Любая «Пионерская зорька» слушалась, как понимаете, просто взахлеб.

В общем, суровое советское радио завещало не расслабляться. Выбора не было – слушатель употреблял что дают. Любую, самую плохонькую программу, любой занудливо-посредственный фильм смотрели и слушали все. Все триста миллионов советского населения сразу.

Вот именно тогда, в этой эфирной пустыне и зародилось жажда. Жажда неистового веселья и остроты. Именно здесь, в недрах увеселительного безрыбья, и вызревал запрос. Запрос на яркое, свободное, выходящее за советские рамки...

И запрос этот был удовлетворен.

Как только осыпалась первая советская штукатурка. Как только дрогнул кирпичик в Берлинской стене – все здание Союза затряслось под напором запроса.

Маятник понесся к свободе. Сметая все на своем пути...

Оковы пали, и на безгрешное телевидение ворвались «грешники». Еретики, без заповедей комсомола. Мятужники, без катехизиса партии. Космополиты, не помнящие советского родства...

Другие лица, другие слова и мысли. Цензурные ошейники были сброшены. Замки целомудрия – снесены.

Говорить стали громче, смелее, ярче. Выглядеть – расхристаней, не формальней, живей. Такими хотела видеть ведущих аудитория. Таков был запрос утомленных неволей зрителей.

То же самое случилось и с радио.

Советскую эстраду потеснил зарубежный рок. «Утренняя гимнастика» стала утренним шоу. Дикторов сменили ведущие. Начальников отделов вещания – программные директора.

Но это была не просто смена названий – унитаз по-настоящему прорвало! Все то, что пряталось под замок, все то, что выкорчевывалось из эфиров, все то, что складировалось в далекий пыльный сундук – все это тут же полезло наружу.

На кладбище похороненного цензурой – ожило. Под табличкой: «Строго запрещено!» – закипела жизнь.

Секс, мат, разгул – в секунду вылезли из темных подвалов. Вурдалаки во тьме свободы проснулись и дружно пошли в эфир.

Появились музыкальные радио. Для советского человека – невидаль совершенная. Невиданные шоумены тут же взялись за дело: оголив срамные места, они показали аудитории все.

Все то, на чем лежала печать табу, теперь болталось у самого носа. Все то, что было нельзя, теперь нельзя было обойти. На смену серой коллективной академичности пришла яркая индивидуальность разврата. Каждый стремился чем-то запомниться. Каждый старался быть не таким как все.

И конечно же, всем хотелось быть как ОНИ! Все ориентировались, конечно, на Запад!

Американские станции, европейские передачи, западные книжки о радио – все это стало библией новых производителей СМИ.

Но все равно что-то было не так. До «Запада» все равно не дотягивали. И вместо вождьеленной «фирмы» в эфире получался адский полусовок. Странный бульон иззападной музыки и какого-то Голема – вырвавшегося на волю полусоветского шоумена.

Оно и понятно: освободившимся от лап цензуры хотелось выделиться. Дорвавшиеся до эфира желали себя показать. Такой шанс упускать, конечно, не стоило. Это действительно был уникальный шанс! Эпоха первоначального накопления пиар капитала. Тогда-то его и накопили с лихвой...

Именно в это время в нашей стране и появилась плеяда «бесконкурентных звезд». Ведущих и продюсеров, которых никто не может подвинуть в сторону. Новое поколение тужится, лезет из кожи вон. Но нет звезды у них ярче Нагиева. Нет агитатора харизматичнее Киселева. Нету бодрей и талантливей Якубовича. Нету авторитетнее, чем Константин Эрнст...

Все те, кто прославился в 90-х, сегодня по-прежнему правят балом. Новых имен на радио и ТВ нет. Молодых гениев не наблюдается тоже. Все суперзвезды – люди от сорока и старше.

Конечно, дело не в бездарности нового поколения. Причина в тех самых уникальных возможностях. В счастливом шансе, что подарил закат и распад Союза...

Ну а потом маятник понесся обратно. Наступила реакция.

«Продукты свободы» рвотными массаами полезли назад. Перекормленных «кутежом» людей начало тошнить. Устав от разгула и вседозволенности, народ стал требовать нормальности и порядка.

И вот не прошло и пятнадцати лет – как «иск удовлетворили»: все обнаженное запретили, все срамное замели под кровать. То, что вчера топорщилось и торчало, сегодня скромно покрыто платочком. Там, где недавно был «Вход свободный» – снова табличка «Запрещено!».

И «адского ведущего» угомонили тоже. Его одомашнили и посадили на поводок. Скомороха переплавили в официанта, шоумена – в обслуживающий персонал.

Вот отсюда и возникает ложное ощущение, что дневной ведущий ярок и интересен: его просто путают с работником эфира других времен. А эпоха поменялась так быстро, что многие даже и не заметили...

В общем, СССР закончился, и пришли бурные девяностые. Ведущие и радио изменились. Как?

Об этом наша следующая история.

Девяностые

В 1998 году мы работали на радио «Петербург Nostalgie» – франшиза известной французской радиостанции «Nostalgie» (Ностальжи).

Российские владельцы решили украсить название французского радио русским словом. И французское название стало приятно отдавать легкой шизофренией.

Кремoв (тогда у него был псевдоним Александр Гарин) работал ведущим и по совместительству программный директором этой гермафродитной оксюморон-станции. Пребывая в этом последнем качестве, он и позвал меня на это невротическое FM.

Надо сказать, что в названии «Петербург Ностальжи» не все соответствовало действительности. Точнее, с реальностью соотносилось только его половина. А именно – слово «Петербург». Радио действительно вещало из Питера. А вот с «ностальгией» была заминка. Поскольку все то, что происходило на этой станции, к ностальгии имело отношение отдаленное.

Да и само это радио было весьма необычным. В строгом смысле – и не радио вообще. Выставка, аквариум, зоопарк с ведущими в клетке. В общем не радиостанция, а прикол.

А прикол был вот в чем.

В самом центре Невского проспекта бесстыдно раскинула ноги студия. Открытая студия радио «Петербург Ностальжи». Напротив Гостиного двора возникло «прозрачное радио» (сейчас на этом месте книжный магазин «Буквоед» – красноречивый признак смены эпохи.)

Что такое открытая студия?

Вообразите себе: витрина. Внутри витрины – проигрыватели, пульт и прочие радиопотроха. А у стекла сидит ведущий-диджей. И прямо за стеклом, цинично справляет нужду диджей: вещает в микрофон, миксует музыку, ставит диски...

И все это в центре города. И все это на глазах прохожих. И все это на глазах поклонников, часами пристально смотрящих ведущим в рожи...

На Невский из студии были выведены две колонки. 24 часа в сутки они транслировали на улицу эфир. Так что включать это «Ностальжи» было совершенно не нужно – оно набрасывалось на тебя само. На центральном проспекте города прохожих вдруг подвергали ностальгическому террору...

Такая «открытость» для радио была новой. Конечно, случаи эфирного эксгибиционизма были известны и до этих пор. Но продолжались они обычно не более суток. А вот так, чтобы каждый день – такая радиопроституция была в диковинку.

На иностранцев этот паноптикум действовал магнетически. У студии всегда толпился туристический люд. Особенно эта штука притягивала французов. Оно и понятно: туристам с родины «Nostalgie» хотелось увидеть «безумное Ностальжи а ля рюс».

(Разочарованы русской экзотикой они, как вы увидите, не были. Гибрид русского и французского оказался гремучей смесью.)

Впрочем, идея открытости быстро выдохлась: уже через год лавочку закрыли как нерентабельную. Что лишний раз подтверждает: радио не должно быть открытым. Обнаженку, ребята, нужно давать по чуть-чуть.

Так вот, помимо меня, моего безбашенного приятеля по театральному институту Игоря Ботвина (ныне довольно известного, респектабельного актера), Кремoв подтянул на станцию всех своих «бывшеньких»: Дмитрия Нагаева, Алису Шер (жена Нагиева), Аркадия Арнаутского (актер Алексей Климушкин) – и прочих своих бывших коллег по радио «Модерн». (Это радио-атлантида будет упомянуто нами отдельно.)

Ко всей этой адской команде он присовокупил еще и Шнура.

Сергею Шнурову, уже тогда лидеру группы «Ленинград», но еще не гламурному мульти-миллионеру, дали вести программу. Программа выходила ночью, в рамках специального проекта под названием «Фантом FM».

Что такое «Фантом FM»?

Это загадочно, но просто.

После нуля часов, без лишних церемоний, радио «Петербург Ностальжи» трансформировалось в другое радио. Вот в этот самый малопонятный «Фантом FM».

Что это значит?

Да ничего особенного. Просто в 12 ночи радиостанция вдруг меняла формат. Карета превращалась внезапно в тыкву. Бальное платье становилось лохмотьями. Легкая музыка сменялась жесткой альтернативой. Вместо Мирей Матье звучал какой-нибудь «Linkin Park»... Вместо «Vony M» врубали «Sex Pistols»...

Короче, та же открытая студия, та же неоновая вывеска «Ностальжи» – все то же, но только другое радио. Тот же пульт, тот же стол с микрофоном, та же лицензия на вещание, – но только «Фантом FM».

Со стороны все это выглядело странно. Казалось, что радио сдавало свое помещение кому-то в аренду: музыка и ведущие менялись, а студия и официальное название – нет.

Но это было отнюдь не так. Просто программный директор (Кремов) был не слишком ностальгирующим человеком. И «Ностальжи» это ему до чертиков надоело. В общем, обычная самодеятельность в духе девяностых годов...

Автором этого мегапроекта был дружан Кремова – некто Денис Рубин. Его мой коллега тоже перетащил на это несчастное липовое «Ностальжи». Выловив предварительно из самых недр питерской контркультуры. (В этот момент количество альтернативщиков на попсовом радио достигло своей критической массы. И что-то вот-вот должно было произойти...)

Короче, Дениса назначали креативным директором. И он принялся за работу, засучив рукава.

Креативный директор проявил, воистину, креатив недюжинный. Первое, что он сделал, придя на радио – взял да и переделал его на другое. Так вот и получился «Фантом FM».

Ну в общем, когда все «отморозки» Питера были собраны, тут-то и началась настоящая «ностальгия».

И вот на этом самом «фантом-ностальжи» Шнуров вел свою авторскую программу. Не помню, как она называлась, но суть ее была такова. Шнур и его коллега Сева Андреев (музыкант из группы «Ленинград») задавали в прямом эфире какую-то тему. И вместе со слушателями обсуждали ее битый час.

Тем было много – разных и познавательных. Лично мне посчастливилось услышать две: «Пидор ли Киркоров?» и «В каких питерских клубах больше всего „говна“?»

Звонки, мнения, споры... Обычная радиопередача девяностых.

Гонорар Шнурова был высоким. Настолько большим, что возвышался над студийным столом. Его перед самой программой ему выкладывали прямо у микрофона. По серой схеме, наликком, так сказать. Была им литровая бутылка водки. К концу программы она становилось пустой.

И вот однажды, белой питерской ночью – прозрачной, как шнуровская бутылка – случилось вот что.

Во время очередной такой передачи, в момент ее творческой кульминации – (ну то есть, когда пузырька была осушена уже практически до конца), этот самый «коллега Сева» вдруг Шнурову и говорит: «Слушай, Серега, вот ты все время орешь, что все тусы и лицемеры... Ну а сам-то ты можешь членом перед прохожими потрясти?»

В общем, зря он это сказал.

И вот теперь представьте себе картину.

Волшебнo-белая ленинградская нoчь. Изношенное покрывало неба, лежащее прямо на серых крышах. В нем дырoчки неярких звезд – одну проткнул Адмиралтейский шпиль. Другую тайно прoдырвила игла Петропавловки...

Под покрывалом – бледно-желтое тело Невского. Нелепый фаллос Дома Зингера. Клешни Казанского, тянущиеся к нему. (Неловкие его распахнутые объятия.) Вот крабовая палка думской башни. Вот дырчатый голландский сыр Гостиного двора...

На главной улице Петербурга из колонок открытой студии звучит бархатистая музыка. Какой-то томный французский шансон – то Ив Монтан, то ли Шарль Азнавур... (Кто-то утверждает, что играло нечто в стиле *deathcore*, что, конечно же, ситуацию только усугубляет.)

Возле витрины – туристы. Над витриной – неоновая вывеска – «Nostalgie»...

А под роскошной надписью «Nostalgie», внутри этой самой витрины, отплясывает мужик. На студийном столе. Без штанов. Беззаботно размахивая волосатой пиписькой.

«Юнэ ви дамур...» – нежно картавил Шарль Азнавур. «Nostalgie» – романтично переливалась надпись. И глаза. Глаза французских туристов. Немигающие, размером с витрину открытой студии. Дом Зингера поплыл. Адмиралтейство качнулось.

Похоже, это был национальный шок. Возможно, самый мощный с того великого двенадцатого года. Реальная расплата за спаленную пожаром Москву.

Передачу свою Шнур закончил тоже вполне ностальгически: «Удачи вам, сука, любви, на х. й, и терпения, б. я...» – уже немного устало прохрипел в микрофон он. (Бог миловал: французы не понимали по-русски!) И, исполнив все обязанности ведущего радио «Ностальгия», удалился. Допивая остатки водки и застегивая по дороге штаны.

Говорят, кто-то слышал звук падающего французского тела. Снимем шляпу! Это была первая жертва беспощадного «русского ностальжи»...

Вы удивитесь, но программа эта вышла в эфир не последний раз. Но что там происходило дальше – покрыто мраком времен и ужасом иностранных туристов.

Вот так в одно историческое мгновение, изменился в нашей стране ведущий на радио. Был тихий комсомолец в костюме, а стал буйный членотряс без штанов.

Что же касается наших дней.

Стоит ли говорить, что сегодня подобное невозможно. Даже во сне самого лютого камикадзе-боевика.

Случись такой эфир в наши дни – закрыли бы всех. Включая Невский проспект, и белую ночь со звездами. А тогда – тьфу, ерунда какая! Никого кроме французов и не упало...

Забегая вперед, заметим: недавнее «предупреждение» от Роскомнадзора (контролирующего монстра новой эпохи) радио «Рекорд» получило только за одно наше упоминание в эфире о порнофильмах. К тому же после слов: «запрещено для детей!»

Но это уже совсем другая история.

Давайте обо всем по порядку.

Девяностые (продолжение)

Но не только эфирная анархия... Та эпоха – «кубизм» российского радио – отличалась от сегодняшнего радиоконструктивизма еще очень и очень многим.

Что такое дневной ведущий, ну, скажем, в 1998 году? Капитан судна, пилот на авиалайнере – человек, от которого в эфире зависит все. Да и сам «авиалайнер радио» был совершенно другим.

Представьте себе.

Тесная студия, до потолка забитая CD-дисками. Микшерский пульта, занимающий половину комнаты (и даже иногда вылезавший из двери). Электростанция аппаратуры. Телефонные узлы проводов. CD-проигрыватель размером с советский холодильник «Витязь»...

А ведущему нужно со всем этим хозяйством управиться. Без него радио не работало вообще. Эфир целиком и полностью держался на хрупких плечах диджея (название правомерно, поскольку музыку он ставил и миксовал сам.)

Но задачей его было не просто включать и сводить песни. Нужно было еще решить, какой трек прокрутить! «Rammstein» или Аркадий Укупник, «Pink Floyd» или «Ласковый май»? Выбор, воистину, гамлетовский!

(Конечно, так было далеко не на всех радио. На некоторых станциях никаких неформатных дисков не было в принципе. На других они зачем-то все-таки были, но их появление в эфире ограничивал так называемый черный список – перечень треков, которые ставить в эфир нельзя. В целом же картина была такая.)

Никаких плейлистов, никаких музыкальных программ с ротациями – один сплошной человеческий фактор. И фактор этот – ты – пилот самолета, капитан корабля, рулевой эфира.

А после творческих мук «какую же песню мне через 10 секунд прокрутить?», нужно было еще и выйти в эфир.

А выйти в эфир тогда – это не просто «прочитать погоду». Выйти в эфир – как выйти на сцену «Оскара» получать.

Говорить нужно было что-нибудь этакое, незаурядное. Придумывать – нечто сшибающее с ног. Сказать что-нибудь неинтересное – «провалить явку». Не удивить, не шокировать – значит есть хлеб ведущего даром.

Говорили в микрофон через каждые две песни. Порой даже через одну. Выход не ограничивался ничем – ни временем, ни уголовным кодексом, ни совестью.

Помню типичное замечание типичного радиона начальника девяностых. Кажется, программного директора некоего радио «Модерн»: «Слишком мало говоришь в эфире...» – сказал мне однажды он.

Настоящий упрек древнегреческому философу!

Здесь стоит подробнее рассказать об этом выразительном явлении того времени – о первой петербургской сетевой радиостанции – «Радио Модерн».

«Радио Модерн» в нашей стране было первым и единственным музыкально-разговорным радио (оно же было и последним из таковых.)

Что означает «музыкально-разговорное» радио?

А это значит, что «Модерн» хоть и был радиостанцией музыкальной, но говорили на ней не меньше, чем на «Эхе Москвы».

Разве такое возможно?

Разумеется, невозможно. И, видимо, этого парадокса станция не перенесла. Она довольно быстро исчезла с российской радиокарты. Вместе с другими причудами этих лихих времен.

Кстати, из яйца этого радио вылупилась целая плеяда звезд: Дмитрий Нагиев, Сергей Рост, Алла Довлатова, Бачинский и Стиллавин (да и собственно ведущий Кремов появился на свет именно там).

Так что же это было за радио?

А было оно типичным явлением девяностых.

«Модерн» был радиостанцией беспрецедентно свободной. (Свобода переходила в волю, воля – в раздолье, раздолье – в беспредел.)

Ведущие не были ограничены ничем – ни земными правилами, ни божьим законом. Говорили всё что хотели. Говорили сколько хотели. И чего не хотели – говорили тоже. Да и не только говорили: орали, кашляли, храпели и даже многозначительно молчали в эфир.

Один мой институтский приятель какое-то время работал на этом радио. Так вот он, например, в эфире пердел.

Ну то есть ни с того ни с сего вдруг начинал имитировать ртом соответствующие звуки.

Однажды я решил послушать его в эфире. Дай, думаю, узнаю, чего там человек говорит в микрофон. Оказалось, не говорит ничего: настроил волну, а там, извините, пукают.

И все это божьим днем, между рекламой и песнями. Хрипы, стоны, кряхтения – ведущий был, воистину, королем. Музыка лишь скромно его оттеняла. Она исправно выполняла роль декорации.

Песни на «Модерне» были забитой прислугой. Их щемили, шпыняли, щипали за зад...

Ведущие говорили не только вначале и в конце трека, как это делается сейчас, – выйти в эфир они могли когда их душе угодно. Хоть на припеве, хоть на куплете – попукивания могли возникнуть в любое время. (И даже во время рекламы порой слышался какой-то пердежь.)

Поставит ведущий, ну, скажем, группу «Кино». Но песню люди все равно не услышат. Поскольку прямо на треке он начнет о чем-то рассказывать. Ну скажем о том, какой вчера у него был классный секс. И группе «Кино» даже станет как-то неловко. Что она мешает слушать про неумную эрекцию ведущего.

С концом смены ведущего в эфире менялось не только содержание разговоров. С его уходом перетряхивался весь музыкальный формат. Уходил один диджей – заканчивался Крис Кельми. Приходил другой – начинался Крис Ри. За песней Майкла Джексона следом шел певец Жэка. После Юрия Шатунова мог возникнуть «Юрай Хип».

Но неистовым на радио «Модерн» было не только веселье.

Шоу – это, вообще, синдром западный, не наш. Русскому человеку недостаточно просто ржаки – он алчет страдания. Душе нашей чуждо стремление к беззаботному бытию.

Так вот, «Модерн» был радиостанцией абсолютно свободной. А свобода – это лакмусовая бумажка для всех. И в частности, она лучший проявитель национального характера.

Что сделает какой-нибудь французский или американский ведущий, если ему в эфире дать больше свободы? Сомнений нет, он станет пошлее шутить. А что будет делать наш «свободный художник»? Ну разумеется: он начнет рубить правду-матку: причитать, критиковать, жаловаться.

И если уж суждено развлекать, то пусть уж это гнусное развлечение будет с налетом страдания. (В случае моего приятеля – с пердежом.)

В девяностые русский ведущий освободился от пут цензуры социализма – худсоветов и других нравственных и идеологических препон. А цензурой капитализма – форматом – еще не был до конца опутан. А значит, в тот исторический момент он был независимым абсолютно. Такой свободы не было никогда и ни у кого!

И отхватив этот ломоть вседозволенности, русский ведущий начинал в эфире скорбеть: метался, стонал, расковыривал человеческие страдания, терзался, снова стонал и страданиям человеческим сострадал.

На самой свободной, а значит и самой русской по сути своей станции «Модерн», работали самые русские по духу ведущие. У них болью томилось сердце и болела томлением душа.

Дмитрий Нагиев, например, в эфире все время каялся. Рвал душу. Исповедовался во грехах. «Кто я такой? – стeнал он в эфире. – Зачем я есть? В чем смысл моей жизни?»

Его коллега Аркадий Арнаутский прощался со слушателями так: «Не расстраивайтесь: ведь кому-то намного хуже...»

Другие работники «модерновского» эфира тоже все время плакали и хандрили.

Среди этих «русских ведущих» была и Алиса Шер. Жена Дмитрия Нагиева. (Нерусскость ее фамилии объясняется тем, что это был псевдоним, а не ее настоящая фамилия, а настоящая ее фамилия была Нагиева, хоть и она настоящей ее фамилией, строго говоря не была, поскольку Нагиев – это фамилия ее известного мужа, а, значит, нерусский ее псевдоним мог скрывать любую фамилию – как русскую, так и не русскую тоже.)

На радио «Модерн» Алиса вела программу. Программа имела большой успех.

Структура ее шоу была такой: одна малюсенькая, еле заметная песенка в часе, и десять пышных, солидных, раскормленных на убой толстяков. Ими была огромная пачка писем от слушателей программы. Своим шершаво-бархатным полусшепотом Алиса неспешно читала эти письма в эфире.

Но вы не подумайте: письма тогда – это совсем не то, что сейчас эсэмэски. Написаны они были на совесть – убористым почерком на десять-пятнадцать страниц. Их авторы – очень яркие, но не очень душевно стабильные люди. Они имели свободное время, кучу проблем и литературный талант.

Эти талантливо-проблемные слушатели писали о своих фобиях, фрустрациях, меланхолиях. О депрессиях, психозах и галлюцинациях наяву. Подробно рассказывали о своих язвах, гонореех и диареех. О запорах, расстройствах кишечника, о запахе изо рта...

«Моя физическая патология – вещь крайне занимательная и требует подробнейшего рассмотрения в эфире», – так начиналось одно солидное, увесистое письмо.

«Воистину, поэзии Данте достоин мой тяжкий душевный недуг», – гласил эпиграф другого письма-пятитомника.

Всей этой скорбью Алиса наводняла эфир.

Бывало, включит человек музыкальное радио и тут же начнет плакать. Ибо страданиями людскими переполнялась его душа.

Наше время

А теперь переносимся в наше время.

Включим приемник. Прислушаемся. Нет ни скорби, ни передежа. Ведущие не пукают, слушатели не страдают.

Заходим на радио. Открываем студииную дверь.

И что мы видим в недрах этого помещения?

Куцый минимализм. Малюсенький пульт. Большой компьютерный монитор. Рядом другой монитор – еще больше, чем первый. Никаких проигрывателей в помине нет.

Дисками и не пахнет. Какие такие диски? Они давно уже хранятся не там. Их аккуратно сложили в пакеты и ночью вынесли на помойку...

Так откуда же в эфире берется музыка?

Из коробочки под названием «комп». Компьютер. Размер этой штуки в две тысячи раз меньше китайской стены из дисков. Зато в ней помещается вся музыка планеты Земля.

А где же ведущий? Где наш эфирный герой? Компьютер стоит, а куда подевалась личность?

Так вот же она, приглядитесь! Вон видите, торчит ее хохолок?

Что, разве совсем не видно? Ну вот же – мелькает над монитором! Не разглядели? Поверьте на слово: она действительно там сидит.

Сидит теперь наша личность какая-то неприкаянная. Унылый флегматик, забытый всеми кумир.

А что же он просто сидит? Почему не выходит в эфир? Почему же не ставит песни?

А ставить песни ему теперь вообще нельзя. Не просто не требуется, а запрещено категорически. Строжайшим образом ультимативно воспрещено!

А кто же теперь ставит музыку?

Музредактор.

Все нужные треки он «забил» неделю назад. (Это называется «плейлист». – об этом ниже.) Ну а чтобы ведущему их выбирать самому – нет уж, лучше сразу уволиться по собственному желанию.

А не выходит в эфир наш герой по той же самой причине: говорить в микрофон ему теперь тоже запрещено. Точнее, разрешено, но особой нужды нету. Точнее есть, но только совсем чуть-чуть. И не говорить, а слегка обозначиться. Высунул ушки – и мигом обратно.

Разговоры в эфире – свидание в тюрьме: везде жесточайший регламент. Шаг вправо, шаг влево – это теперь расстрел.

Современный дневной ведущий выходит в эфир как заключенный обедать: все строго по расписанию. Прыжок на месте расценивается как побег. (Попукивание в микрофон – немедленная казнь через повешение.)

График примерно такой.

Первый выход в часе – это типа «здрасьте-мордасте». Здесь обычно говорят время, анонсируют песни в часе, представляют станцию и себя.

Второй – это примерно минут в пятнадцать. Здесь тоже какая-то рекламная информация или спонсорские погода с пробками (что же еще спонсировать – не умные же мысли ведущего?).

Следующий выход – где-нибудь в половину. Здесь может быть так называемый смс-чат: чтение эсэмэс от слушателей – или устная, то есть прочитанная ведущим, реклама. Ну или какая-нибудь его умная, но не слишком, однако, умная мысль.

Последний выход в часе – это где-то за пятнадцать минут до окончания часа. Здесь тоже какой-нибудь рекламо-погодо-анонс.

Итого: чистое рабочее время дневного ведущего – это 4-5 выходов в часе. А средняя продолжительность одного выхода – 30-40 секунд. То есть в эфире он меньше пяти минут в час! Меньше 20 минут – за четырехчасовую смену.

Бывает, конечно, что выходов в часе и шесть, и больше. Но это уже лишь на «станциях-подворотнях», куда высокие рейтинги бояться и нос показать. (Речь в данном случае идет только о дневном музыкальном эфире. Регламент так называемых «программ по заявкам», интервью с гостем или «записных программ», конечно, совершенно иной.)

На некоторых радиостанциях время выхода – аж целая минута. Иногда полторы или даже, страшно сказать, две. Но такие вольности касаются не слишком успешных станций. Тех, самых, что прописались в фундаменте рейтинговой таблицы.

На танцевальных радио выходы в эфир и того короче. Здесь исповедуется «разговорный аскетизм». Содержание принесено в жертву динамике. Изысканность – краткости. Остроумие – задору.

Востребованный талант дневного ведущего – умение на ровном месте высекать «позитив».

А танцевальные радио в современном радиомире – это, во многом, флагман. Запевала, задающий темп остальным. Поэтому скорость и краткость на современном радио – девиз универсальный.

Как видим, роль дневного ведущего на музыкальном радио коренным образом изменилась.

Теперь он не главный герой Ромео, а дерево под балконом Джульетты. Четвертое слева. Еще левее. Да, это он.

А менялась эта роль так.

Вначале дневного ведущего просили: «ставь пластинки и побольше говори в микрофон!» Потом на радио стал популярен слоган директора французского радио «Монте Карло»: «Если нечего сказать – просто поставь пластинку!» Эфирный девиз нашего времени звучит так: «Не говори ничего, и пластинку тоже ставить не надо!»

В результате такой «обратной селекции» и получился тот обрубок-«диджей», которого мы и слышим сегодня в эфире.

Таким образом, сама личность современного дневного ведущего – его мнение, шутки, мысли – выражена не больше, чем личность официанта, что принес вам еду.

Это вовсе не означает, что официант ее совершенно не проявляет. Он может улыбнуться, отвесить изысканный комплимент и даже игриво вам подмигнуть. Но его основная задача, как вы понимаете, состоит далеко не в этом.

То же касается и причастности ведущего к технике... Здесь все просто: никакой причастности нет!

Всю техническую задачу исполнил компьютер, музредактор и специальная программа.

И ведущему лишь остается...

Знаете, чем занимается наш герой в то время, когда не говорит в микрофон? (А это примерно 55 минут в часе.)

Да всем чем угодно, только не тем, что имеет отношение к радио! Копается в телефоне, ползает в соцсетях, смотрит видео на канале *Youtube*...

А что же ему еще делать? Техника и жесткий регламент вытеснили его на обочину эфира.

Конечно, хороший ведущий всегда в работе; он все время думает, как сделать свои выходы интересней... Ну только где таких подвижников сегодня отыщешь?

Такая отстраненность не может не ощущаться. Она заметна по обе стороны «радиогра- ниц».

У аудитории, затерявшейся между песен, карликовый человечек не вызывает сколько-нибудь значимого интереса. Да и ведущий своей востребованности не чувствует уже давно. Ощущение связи с эфиром отсутствует полностью. Соучастия с радиопроцессом нет.

И есть только одна возможность выразить свою индивидуальность.

Какая?

Конечно же, произнести свое имя в эфире!

«С вами Евгений Сидоров!» – что может быть прекраснее этих слов! (Если, конечно, вы – Евгений Сидоров.)

Как говаривал американский дедушка Дейл Карнеги: «Имя человека – самый сладостный и самый важный для него звук на любом языке».

Так что может быть приятней, чем рассказать о нем миру! Объявить свое имя – сладостная обязанность «дневника». Поэтому делает он это красиво, любо-дорого слушать!

«Меня зовут Сидор Евгеньев!» – с нежностью сообщает дневной ведущий. «С вами Рулон Оболев!» – торжественно произносит другой. «В эфире Семен Непотребко!» – говорит третий, вкладывая в эти слова и талант и душу.

Зачем?

А вдруг услышат и пригласят вести корпоратив!

Работа на корпоративах – это и есть сверхзадача. Его прекрасная и конечная цель.

А какой же ей еще быть?

Зарплата у дневного ведущего сравнительно небольшая. В Петербурге – 30-50 тысяч рублей в месяц, в зависимости от станции и количества рабочих часов. (В Москве – 40-60 тысяч – на момент написания этой книги.)

В итоге: денег немного; таланты сданы на вахте станции, как газовый баллончик при входе в клуб.

И остается одно: произнести в эфир свое имя. Прокричать его в микрофон – и ждать. Ждать, когда тебя пригласят ведущим на свадьбу. Или в клуб. Или на корпоратив. Или на проводы в армию. Или на открытие шаурмы. Или в любое другое место, где за крик в микрофон платят деньги.

Цель, кстати, не так и мелка: на одном предновогоднем корпоративе можно заработать больше, чем за несколько месяцев работы на радио. Сама работа на радио – «лицензия», чтобы вести корпорат.

Конечно, охотятся за этой работой не только дневные ведущие. Конечный смысл любой передачи (а также песни, книжки и шутки) в наши дни – все тот же корпоратив. Работа на корпоративах – последняя остановка современного творчества. Корпоративная вечеринка – вот истинный апогей искусства и мастерства!

Но мы говорим про радио. Итак.

Итак, эпоха сменилась, и российское радио было захвачено. Его оккупировали Плейлист, Ротация и Формат.

Что это за ужасные монстры?

Не пугайтесь, слова хоть и страшные, но сложного ничего нет.

Плейлист – это определенный набор песен, которые конкретная радиостанция воспроизводит в своем эфире. Этот «комплект» забит в компьютер и существует, как мы уже говорили, сам по себе. Автономно от дневного и любого другого ведущего.

При этом «равенства перед законом» у песен нет: одни треки звучат чаще, другие реже. А это уже «ротация». То есть количество повторных прокручиваний определенного трека в эфире. (Обо всем этом мы подробнее расскажем ниже.)

И вот мы подошли к самому жуткому слову – «формат»! Формат – это теперь и есть радио. Этим словом определяется современный эфир.

Теперь можно остановиться на нем подробнее.

Формат

Слово заболтанное и до ниток затертое. А значит – не всем понятное до конца.

Ведь говоря о формате, можно иметь виду две разные вещи:

- 1). это то, что нужно слушателю,
- 2). это то, что можно ведущему.

Разумеется, то, что можно ведущему, зависит от потребностей слушателя. Эти вещи связаны напрямую. Но это не одно и то же. Поскольку формат для слушателя – это выбор. А для ведущего – ограничения.

Нас этот термин, конечно, интересует с точки зрения ведущего. С точки зрения слушателя формат – это, так скажем, определенное, ожидаемое, стилистически выдержанное содержание. Говоря проще, желая услышать что-то конкретное, слушатель предполагает, что он услышит именно это, а не что-то еще.

А что же такое формат для ведущего? Что это – стиль, жанр, форма, шаблон?

Наверное.

Но все эти слова не могут выразить истиной жесткости смысла.

Формат – это такое прокрустово ложе: не влезает – подрубает, не рубится – убираем. Не художественный стиль, а шаблонизация. Не ограждение на сцене, а заводские тиски.

Искусство, творчество, индивидуальность – вся эта лирика должна уложиться в стандарт.

Так мы и обозначим формат по отношению к дневному ведущему – «эфирный стандарт».

ЭФИРНЫЙ СТАНДАРТ – ЭТО ФОРМАТ ВЕДУЩЕГО.

Есть у слова «формат» и вполне официальное определение (для радио): «Формат – это стиль музыкальных радиoproграмм, призванный удовлетворить вкусы определенной целевой аудитории».

Совсем как-то жутко, не правда ли?

На самом же деле все еще намного страшней:

ФОРМАТ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО МУЗЫКА.

Щупальца этого чудища дотягиваются до всего!

Что касается песен, здесь все понятно: песни на радио должны быть выдержаны в определенном стиле.

Русский рок, татарское регги, новозеландский шансон – все это и есть различные музыкальные форматы.

Но было бы ошибкой считать, что на радио «заформатированны» только песни. Форматом определяется и «облик» ведущего-дневника. Как музыка и отбивки, он тоже является частью стиля радиостанции. Его манера точно выверена в соответствии с ее «духом». По дневному ведущему судят о радио. Как по вымуштрованному дворецкому – о хозяине дома.

Ведущий должен соответствовать общему стилю! Отвечать вкусам определенной аудитории. За этим строго следит надсмотрщик, – наш мистер Формат. Он будет рубить вам ноги или вытягивать руки в зависимости от конкретных программных задач.

Относится это прежде всего к форме. К манере ведущего говорить в эфир: к его динамике, лексике, интонации. Это и есть «эфирный стандарт».

Что же касается содержания выходов, то оно на всех станциях практически одинаково.

Реклама, погода, пробки – вот львиная доля разговоров в дневном эфире. Это «общий стандарт» ведущих любой музыкальной радиостанции. Если так можно выразиться, «корпоративный формат».

Поэтому говорить о «неодинаковости» дневных ведущих на разных музыкальных станциях корректно только в отношении формы. Содержательная часть их выходов неразличима вообще. Разговоры на разных волнах имеют не смысловое, а стилистическое различие. «Заформатирована» не суть – она везде одинакова, – а, скорее, стиль.

Чем ведущий, ну скажем, «Русского Радио» отличается от ведущего, ну скажем, «Европы Плюс»?

А чем официант кафе «Теремок» отличается от продавца в ресторане «Макдональдс»? Смыслом работы? Конечно, нет. И тот и другой обслуживает клиента. Но тем не менее отличие есть. В чем оно состоит?

А в том, что один вам **мурлычет**: «Здравствуйте, сударь, чего пожелаете?», а другой **кричит**: «Свободная касса, добрый день!»

И своей униформой, конечно же, отличаются тоже.

Вот и ведущие на разных станциях различаются униформой! Отличия не в ЧТО, отличия в КАК. Униформа – это и есть формат. А точнее, «эфирный стандарт» – темп, лексика, громкость.

Итак формат – это не только музыка. Это такая воронка: она всасывает в себя все. Все, включая маленького дневного ведущего. Неважно, какой ты сам и какие у тебя вкусы. Важно, сможешь ли ты свои вкусы засунуть себе глубоко в рюкзак.

В девяностые ведущие шли устраиваться на радиостанцию в зависимости от своих музыкальных пристрастий. Тот, кто торчал от рока приходил на рок-станцию. Тот, кто любил эстраду шел туда, где гоняли попсу. Тот, кто перся от «пампа», припирался на танцевальное радио...

И первый вопрос романтика-начальника романтику-ведущему был тоже до крайности романтическим: «какую музыку слушаешь?» – спрашивал программный директор ведущего-новичка. И если последнему, не дай бог, нравилась музыка «неправильная», то его, недолго думая, посылали на... На другую, в общем, радиостанцию.

Сейчас программному директору глубоко наплевать, на то, что слушают его ведущие. Как и начальнику фаст-фуда – на кулинарные пристрастия его продавцов.

Сегодня идти устраиваться на радио, лишь потому, что тебе нравится его плейлист – это все равно, что работать в «Макдональдсе» из-за любви к «Биг Маку» или «БигТейсти».

Что же касается эфирного стиля.

И этой проблемой в те времена дневной ведущий был озабочен сам. Помимо всего он должен был сам «шить себе униформу». То есть думать над собственным эфирным образом. (Над «личным брендом», как нелепо бы выразились сегодня.)

Однажды в конце девяностых у меня был тестовый эфир на радио. Уже не помню точно, на каком. И все прошло вроде неплохо. А вот начальник был очень хмур. Недовольный эфиром он сказал мне такие слова – по нынешним меркам очень и очень странные: «Я пока что не очень понял, что ты за персонаж...»

Услышать такое сегодня можно только от начальника-наркомана. Тогда же это было замечанием рядовым.

Выбрать себе «эфирный костюм», подобрать точный «грим своего образа» – все это было рутиной, буднями дневного ведущего. И если он плохо с этим справлялся, его считали профнепригодным. Сегодня таковыми считают тех, кто не умеет читать.

Стандарты снизились. Романтика подурнела. Голубоглазая лирика зашла в чахоточном кашле и умерла. Мускулистый прагматизм пришел ей на смену.

Сегодня вся эта забота – абсурд и белая горячка. Поскольку твой образ – эфирный стандарт – уже заранее сколочен, как гроб.

Эфирная «униформа» пошита оптом на швейной фабрике. Надень и ступай к прилавку, не думая ни о чем.

Каким тебе быть в эфире – сегодня определяешь не ты. Это решает он – формат конкретной радиостанции. Не парься – этот крутой сутенер все устроит сам. Сделает работу в эфире предсказуемой и безопасной.

И тебе как ведущему остается ответить лишь на один вопрос: способен ли ты под этот формат подделаться? сможешь ли ты в это прокрустово ложе влезть?

Но не пугайтесь: даже в таких жестких рамках зазор индивидуальности все равно остается! А значит, есть место и для выстраивания личного образа.

К тому же не будем уподоблять: дневной ведущий на радио – не обслуживающий персонал в кафе. Это сравнение корректно только отчасти. (Как, впрочем, любое сравнение вообще.) Отличие второго от первых в том, что он еще должен этого «клиента» немного развлечь. (Как именно – скоро расскажем. Про образ и индивидуальность – тоже потом.)

Однако тоталитарность формата на современном радио нужно иметь в виду!

И здесь, забегаая вперед, мы дадим совет тем, кто хочет работать в дневном эфире.

Совет простой:

**СЛУШАЙТЕ КОНКРЕТНОЕ РАДИО! СЛУШАЙТЕ И ПЫТАЙТЕСЬ
СКОПИРОВАТЬ: МАНЕРУ ЕГО ВЕДУЩИХ, ИХ СКОРОСТЬ, УРОВЕНЬ
ГРОМКОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ, ОБЩИЙ СТИЛЬ.**

Пробуйте разгадать «идею»: что именно задумал программный директор в отношении своих подопечных? Какие задачи он им ставит? В чем его замысел в отношении них?

Подстройтесь под стиль конкретной радиостанции. Скопируйте «эфирный стандарт», стараясь при этом сохранить свою собственную индивидуальность.

На сегодняшний день – это самый эффективный способ устроиться на музыкальное радио!

А дальше – решайте сами: подходит это вам или нет. Сможете ли вы втиснуться в униформу, или лучше подыскать более подходящий костюмчик?

Если у вас есть сомнения – не думая, выбирайте другую станцию. Их, слава богу, сегодня много, не меньше, чем «Макдональдсов» по стране.

Ведущий против начальника

Да, ведущему определили роль официанта. Но это совсем не значит, что он желает быть таковым. Поэтому интересы работников эфира и руководства станции не всегда совпадают.

Для начальника радиостанции ведущий – это обслуживающий персонал. Обычная деталь в машине его коммерции. Эфирный работник для него просто средство. (Что, может быть, не слишком красиво, но, однако, вполне естественно.)

Сам же ведущий, конечно, так не считает. Для него все ровно наоборот: средство – радио, а цель – это он сам.

А значит, у ведущего и у начальника есть заведомый конфликт интересов. (В каких-то интимных точках эти интересы, конечно же, пересечены.)

А какие интересы может преследовать ведущий в отношении радио? Ну кроме, конечно, зарплаты и возможности передать в эфире маме привет?

Конечно же, это самопиар. И его следствие – дальнейшее продвижение: на телевидение, на обложки журналов, вверх по ценовой лестнице. Ну и, разумеется, на воделенные корпоративы.

А для этого ведущему нужно быть не винтиком в механизме эфира, а ярким и интересным чуваком. Проблема лишь в том, что за излишнюю «интересность» можно схлопотать от начальства...

Такая дилемма однажды вылилась в настоящую драму.

В начале нулевых на радио «Рекорд» работал некто Алексей Акопов. А до этого он работал на радио «Модерн». (Такой бесценный опыт, конечно же, не мог пройти даром. Акопову все время хотелось слушателей «порвать»)

Как ведущий, Алексей был избыточно харизматичным. Гораздо более одаренным, чем это требовал музыкальный эфир. Его творческая натура с самодурством начальников уживалась плохо. Из-за чего страдало не начальство, а почему-то всегда Акопов.

Одним словом, Акопову нравилось быть ярким. Он любил говорить в эфир разные «выразительные слова».

Ну скажем, в обычную информацию о погоде он каким-то чудесным образом мог даже вкрапить слово «вагина». Нужно ли говорить, что без слова «вагина» в прогнозе погоды можно запросто обойтись?

Программный директор, слыша все это, сначала хватался за сердце. Потом просто морщился. А потом и вообще привык. Но привычка не слишком укоренилась. Поскольку однажды он все-таки Алексея уволил. (Даже трудно себе представить, как наш герой информировал о погоде в тот злополучный день.)

Но Акопов выжал из радио всё до последней капли: теперь он известный в городе шоумен.

«А, это тот самый чувак, чьи прогнозы погоды мы записывали и переслушивали ночью!» – говорили вокруг и приглашали Акопова провести свадьбу или банкет. И он их с радостью проводил, вспоминая свои «погодные наработки».

Но и начальство «Рекорда» тоже не осталось внакладе. И хоть крутого ведущего в эфире их станции больше нет, зато и «вагина» в прогнозы погоды теперь заглядывает нечасто. Она там теперь экзотика – подобная вирусу эбола или бубонной чуме...

В общем, в конце концов, интересы фигурантов все же совпали. Сразу после того как Алексей покинул этот суетный радиоэфир.

В наши дни Алексей Акопов работает уже совсем на другом радио. Там звучат ретро-песни и даже классическая музыка иногда... Ни формат этой станции, ни дух нового времени

не позволяют и думать о вольностях прошлого десятилетия. Да и сам Алексей, конечно же, повзрослел.

Повзрослел, но в душе, как и все мы, конечно, не изменился. В эфире он теперь как волкодав на цепи. Откроет бывало рот, чтобы «порвать» слушателя, лязгнет было зубами... Но тут же на полуслове себя оборвет:

– Ваг... – начнет он с былым залихватским задором. Решит вдруг отчаянно потрянуть стариной. Но наступив на горло собственной песне, уныло и раздраженно закончит, – «Вагнер, Вагнер на нашей волне!..»

В общем, нужно иметь в виду: несовпадение интересов радио и ведущего – вещь серьезная.

Радиостанции нужен ведущий на поводке. А ведущему хочется с поводка сорваться.

Чтобы быть ярким и интересным, нужно всегда выделяться из среднего уровня. Но если сильно выделяться, могут «выделить» с работы и вас...

Несовпадение ведущего и радио

Темпоритмическое, эмоциональное, «человеческое» совпадение ведущего с конкретной радиостанцией очень важно!

Уже в наши дни на радио «Рекорд» в дневном эфире работал парнишка. Молодой, прикольный, совсем не глупый чувак. Встречались с ним на пересменках, разговаривали, шутили... Ну реально остроумный, веселый парень!

Однажды заговорил про него с программным директором. Спрашиваю: ну как он тебе как ведущий?

«Да мне-то он нравится, – отвечает, почесывая затылок тот, – а вот нашему генпродюсеру – чего-то как-то не очень. Говорит, что он туповат.»

Мне это показалось несправедливым: из всех «дневнеков» с кем я общался, этот был самым крутым!

А потом я случайно услышал его в эфире.

Увы, не согласиться с «рецензией» было нельзя. «Деревянный голос» не успевал даже выговорить задуманное. На противоестественной для себя скорости человек пытался что-то шутить. В общем, «зрелище» унылое и «неостроумное».

Как так?

Все просто: динамика! **Несоответствие темпу радиостанции.** Со всеми вытекающими последствиями для эфира.

На другом, более «медленном» радио этот ведущий бы выглядел совершенно иначе.

Кстати, о несоответствии.

Дело было в 2001 году.

Радио «Ностальжи» к тому моменту перекупили. Открытую студию благополучно закрыли, и я начал искать работу: должность ведущего-«дневника».

Нельзя сказать, чтобы слишком успешно. Поскольку в дверь уже стучались новые времена.

Не то чтобы надобность в ведущих совсем отпала. Не то чтобы все радио позакрывали как «Ностальжи» – нет.

Радиостанций было немало. Но «формат» ведущих подобных мне был уже не востребован. А говоря откровенно, он конкретно пугал.

Все менялось. Эфирные лешие превращались в людей. Радиокикиморы исчезали. Нечистая сила отступала перед светом солнца...

Но со мною перерождения не случилось. Я по-прежнему был упырем. Обычным вурдалаком из девяностых.

Похмелье от их разгула откладывало протрезвление. Перекроиться на новый лад было физически тяжело. Я все еще находился под обаянием хмельной вседозволенности и «модерновской» школы словесного экстремизма.

Разухабистость, хрипотца, легкая придурковатость – таково было мое представление об идеальном образе дневного ведущего. С представлениями большинства программных директоров оно уже драматически не совпадало.

Короче, найти работу было непросто.

И вот однажды кто-то – к сожалению, не помню кто – порекомендовал меня на, страшно сказать, «Гардарику». Так называлось одно местное петербургское радио. (Отыскать в памяти это название было непросто, поскольку от этой радиостанции остались одни лишь воспоминания. Сама же радио, дай бог памяти, уже лет 10 как переехало в лучший мир. Сейчас на этой волне какое-то сюрреалистическое «Metro FM», которое, пока я это писал, тоже уже закрылось).

Так вот, этот «добрый кто-то» позвонил программному директору этого радио. И составил мне типа протекцию: мол, послушай чувака, ведущий, вроде бы неплохой.

Вскоре мы с этим программником созвонились. И сразу же договорились о моем прослушивании. В назначенный час я должен был прийти на пробную запись. А записываться нужно было в «Метро». В клубе «Метро». Именно там находилось это странное радио. (Клуба этого – тоже теперь нет: он благоразумно последовал примеру «Метро FM» и «Гардарика».)

Ходили слухи, что владелец этого радио – гей. А еще ходили слухи, что все руководство этой станции – геи. К тому же ходили слухи, что все ведущие на этом радио – геи. И наконец, ходили слухи, что геи на этом радио – все.

Эти легкомысленные разговоры, кстати говоря, косвенно подтверждались: голоса ведущих в эфире этой станции звучали чуть более нежно, чем требовало ее название. («Гардарика» – это древнескандинавское название Руси, если что.)

Но тогда всего этого я еще не знал. И, как ни в чем не бывало, пошел на прослушивание.

Черные шорты, плавно переходящие в обильные волосы на ногах. Волосатая грудь, частично прикрытая черной майкой. Густая растительность на не бритой неделю роже – таким я пришел на это «Гей-радио».

У входа меня встретил программный директор станции – худой, манерный, обтянуто-прилизанный паренек. Своим видом он тоже не опровергал слухов...

Паренек нежно ввел свою ухоженную ладонь в мою доверчиво протянутую ему руку. Потом как-то грустно взглянул на все мои волосы – от носа до ног – и мы отправились делать запись.

В студии он дал мне задание: сделать «подводки» к нескольким песням. И вышел, оставив меня со звукорежиссером наедине. Наверное, тоже геем. К счастью, выяснить это доподлинно не довелось.

Запись пошла.

Чего я там поназаписывал, уже, конечно, не вспомнить. Не то чтобы и не вспомнить, просто лучше бы и не вспоминать.

Помню, была какая-то песня группы «Ласковый Май». В конце слезливого трека я, голосом Джигурды с тяжелого бодуна, прохрипел примерно такое: «Это был Юра Шатунов – то ли певец, то ли содержанка, которого Андрей Разин то ли усыновил, то ли раскрутил, то ли склонил к сожительству.

Довольный собой я вышел из студии:

– Готово! – торжественно объявил я.

– Окей, – кивнул программный директор и пошел в студию слушать запись, бросив при этом тоскливый взгляд на всю мою волосню.

Через несколько минут он вышел из студии.

Грустным он не был уже совсем. Грусть испугалась и убежала. Теперь он был взмокшим и постаревшим на несколько лет.

– Ну как? – спросил я его, почему-то еще с надеждой.

– Да как сказать... – прокашлялся он.

– Что-то не так? Говори прямо! – бесцеремонно насел я на бледного человека.

– Да все вроде так... но, видишь ли...

– Ну говори как есть! Если что – я ведь могу и переписать.

– Да дело не в этом... Но понимаешь... все вроде бы хорошо... И подача отличная... и остроумно...

– Ну так что, объясни! Темпоритм не тот?

– Эх! – паренек вдруг щелкнул своими худыми пальцами. И выдал вдруг неожиданное резюме. Тем более неожиданное, что произнес его не хирург, а программный директор радио, – ЭХ, ЯИЧКО БЫ ТЕБЕ ОТРЕЗАТЬ – И ВСЕ БЫ БЫЛО ОКЕЙ!

– Что?!! – хватаюсь за сердце я! (А другой рукой, инстинктивно, за одно из своих яичек). – Что-о-о?! Что значит «отрезать яичко»?!! В каком это смысле еще? За что?!

– Да нет, я, конечно, образно... Просто мачизма в тебе многоvато. Слишком уж ты brutalен. У нас тут формат немного другой...

Короче, дилемма встала ребром: либо работа, либо яички.

И тут я, разумеется, приуныл.

И обреченно вздохнув, побрел в специальную студию. В одну из комнат Гардарики, где ведущим отрезают яйца...

Вы подумали, что эта история закончилась именно так?

Вы мрачный мизантроп и очень плохо думаете о людях.

Нет, финал был намного скучней.

Я все-таки выбрал яички. И безработицу, как следствие их наличия. Уж очень не хотелось ничего себе резать. И даже фигурально и даже образно...

А посему это прекрасное евнух-радио благополучно продолжило свою работу. Без яичек и без меня.

Не думаю, что важность своих тестикул я сильно переоценил. Ведь этой «Гардарики» уже давно нет, а они, родимые, до сих пор со мною...

Так что имейте в виду: гармония со станцией, где ты работаешь – штука важная. Хотите получать удовольствие от работы – тогда не стоит ничего себе отрезать. Нужно просто найти работу, где твои яйца будут востребованы...

P.S.

После неудачи с «Гардарикой» я пошел устраиваться на «Рекорд». Дай, думаю, попытаю счастья еще раз.

Но не как на «Гардарику» – отныне я поумнел! Теперь-то я повзрослел и стал более дальновидным.

Горький опыт даром, конечно же, не прошел. «Гардарика» научила: геев на радио берут охотнее, чем не геев.

Приходилось задуматься. Стоило сделать выводы. А вывод один: выбора нет!

«Гардарика» меня победила. Я сломался. И впредь решил приспособливаться. Шансов ноль, если ты не прогнулся под этот мир! Пришлось прогнуться. А иначе никак. Нужно было подстраиваться под требования шоу-бизнеса.

Но не подумайте ничего плохого! Я просто решил одеться как гей. Ну в смысле, надел все самое чистое. Модные джинсы, красный жилет. Ботинки, какие видел однажды у Баскова...

Надел – и красавцем пришел на «Рекорд».

И что вы думаете? Меня сразу же взяли!

Правда «гейский наряд» я напялил зря. Начальник сказал, что взял он меня не поэтому. Я, конечно, ему поверил.

Хотя кто этот шоу-биз разберет...

Радио «Гостиный Двор»

Еще одна маленькая история о несовпадении.

Коричневое пятнышко на исподнем нашей радиобиографии. Один небольшой, но не отстирываемый факт.

В 2001 году радио на Невском закончилось. Всех работников «Ностальжи» рассчитали. (Точнее, дали поностальгировать о зарплате.) И мы с Кремовым перешли на другое радио. Точнее, перешли через дорогу. И оказались в Гостином дворе.

Новое радио находилось именно там, – напротив уже бывшей открытой студии.

Что это было в Гостином дворе за радио? Вы не поверите, но называлось оно «Гостиный Двор». Не удивляйтесь. Все просто.

Директор Гостиного двора – гостеприимная женщина и женственная директриса – решила забубенить в универмаге радиостанцию. Ну то есть прикинула: все у меня вроде бы есть. И 78 тыс. квадратных метров. И сотни прилавков. И миллионный доход... Нету только в ГД одного – своего радио. А иметь свое радио в девяностых – венец всех желаний и мечт. Радиостанция в ту эпоху – беспроектное вложение. Чувак без собственной станции – подозрительнейший субъект. Не нужно иметь большую, не обязательно федеральную. Пускай будет маленькая, компактненькая, карманная, но своя...

И вот эта женщина в одном из помещений универмага сварганила радио. Обычную студию, с обычным радио-барахлом.

Это не значит, что она выгнала из собственного кабинета уважаемого завхоза. И запустила вместо него диджея с серьгой в носу. Вообще-то система радиоповещения в Гостином дворе уже пятьдесят лет как была. На случай ЧП, сообщений об эвакуации и объявлений о ядерном взрыве «на втором этаже нашего замечательного универмага». Так что выгонять никого не пришлось.

Но одно дело радиоточка, другое, радио! И чтобы всё выглядело тип-топ, прикупила она в студию аппаратуру – два модных бобинника и большой микрофон.

Оставалась одна проблема – ведущие. А где директору универмага такую экзотику-то нарыть? Не вставлять же сергу в нос уважаемому завхозу? Не ему-же, в самом деле, орать в микрофон?

И вот однажды посмотрела она в окошко своего рабочего кабинета. И увидела как напротив – из студии радио «Ностальжи» – вывозят радиоскарб. А за ним, понуриив головы, выходят уволенные ведущие. А с ними вместе их печальный начальник – Кремов как раз.

«Ага! – смекнула она. Нужно брать, пока тепленький и печальный!» И решила заманить Кремова в универмаг. Пусть, мол, будет начальником магазинного радио. А почему бы, собственно говоря, и нет! Биография у чувака подходящая: работал не где-нибудь, а напротив ГД! Значит, сможет поработать и в универмаге. Напротив бывшей уже открытой студии, значит.

Как человек, щедро одаренный ленью, Кремов, не думая, согласился. Искать другую работу, ходить куда-то за тридевять земель было в лом. А тут – работенка прямо через дорогу. Ну вот он взял и через дорогу перемахнул. И стал программным директором самого странного в мире радио.

Вступив в почетную должность, Кремов помпезно вошел в Гостинку. Подплыл к одному из прилавков и купил себе черные кожаные штаны. Быстро их натянул и стал важно расхаживать вдоль продавцов и товаров...

Зачем черные кожаные штаны?

Да черт его разберет! То ли от стресса у него изменился вкус. То ли это была обязательная униформа на его новой интересной работе. А может это был траур – по тем веселым денькам, когда ГД был для него просто универмагом?

Помимо ношения кожаных штанов имелись у него и другие обязанности. Ему нужно было еще набрать персонал. А именно – двух с половиной ведущих. Хотя для радио в магазине достаточно было и половины.

И как вы думаете, кого он пригласил в первую очередь? Можете и не думать: конечно, меня.

Позвал он меня туда с какой-то душевной тоской во взгляде. Представил своей наивной начальнице: «Это вот, мол, познакомьтесь он – наш новый прекрасный суперведущий.» – сказал ей Кремов, глядя куда-то в пол. Сказал и на следующий день уволился.

Это был его последний прикол. Финальная шутка на должности программного директора радио. Больше начальником он уже никогда не работал...

В общем, коллега мой слинял так же быстро, как и устроился. (Нет, уволился он, пожалуй, в несколько раз быстрее.)

Кремов ушел. Ну а я-то остался! А дальше, как говорится, вперед, понеслась.

Смысл радиостанции в универмаге, как понимаете, был нехитрым: информировать покупателей; рассказывать о новых товарах; читать рекламные объявления и прочая магазинная лабуда.

Но для всего этого нужно было звать на работу кого-то другого. Кого угодно, – но не радиоотморозков.

Ну в общем, если в 2001 году, проходя по Гостиному двору, вы вдруг слышали нечто пугающе странное... Если однажды на кассе универмага ваше сердце пропустило один удар. Если именно вас настиг страшный рык откуда-то из потолочных динамиков – внезапно, резко, прямо в отделе детских игрушек. Если именно вы пятились к выходу, услышав по радио примерно такой текст:

«Барыги и покупатели! Вы слушаете радио „Гостиный двор“! Продавцы, старайтесь втюхивать свой товар лучше! А покупатели, не будьте лохами – ни в коем случае не дайте себя развести!» а потом, держась за грудь, оседали на пол, когда включалась новогодняя песенка Джорджа Майкла...

Так вот, если вы – это и есть тот самый мученик-покупатель, – знайте: это был не террор, не захват центрального универмага города – это был я, обычный ведущий радио «Гостиный Двор»!..

Работал я там, как можно догадаться, недолго. К концу недели уволился «по соглашению сторон». Это волшебное решение устраивало всех – и меня, и начальство, и посетителей Гостиного двора тоже. Признания от публики я так и не получил. А директриса рисковала иметь пустым крупнейший универмаг города.

Уволился я, в общем, и двинул дальше искать работу.

Напротив Гостинки, на Садовой улице, было кафе. То ли хинкальная, то ли пышечная-отрыжечная... И я, конечно же, в эту пельменную заскочил. Но, увы, надежды не оправдались. Своего радио в пышечной еще не открыли.

Грань веков

И вот эпохи столкнулись как паровозы.

Безумные девяностые почуяли благоразумие нулевых. Одна эпоха уже начала собирать чемоданы. Другая – топталась у двери, стесняясь еще войти.

Безвременье пришлось примерно на 2000-2005 год.

Раздолье послесоветской разнузданности не могло длиться вечно. Но и разом все это было не прекратить.

В общем, лихие девяностые уходили... Приходили полулихие двухтысячные.

В 2003 году я вовсю работал в дневном эфире «Рекорда». К тому моменту процесс «модернизации» уже тихонько пошел: облик музыкального радио начал медленно, но необратимо меняться. Эфиры становилось «приличнее». Ведущие превращались в ведущих. (Из ведущих-городских сумасшедших, ведущих-маньяков и ведущих-мудаков).

Короче, радио свернуло с кривой дорожки. На нетернистый путь коммерции и здравого смысла.

Но инерция 90-х все еще давала о себе знать. Одним из ее жертв, как вы могли заметить, был я.

В 2003 году мой дневной эфир весьма отличался от дневных эфиров на других станциях. Там по дневным ведущим уже проехался асфальтоукладочный каток. Средняя продолжительность выхода в эфир упала с пяти минут до минуты; их количество – с двадцати до пяти выходов в часе.

Мои же эфиры на этом фоне выглядели несколько диковато. Я по-прежнему мог говорить в микрофон практически все. Все, что бы ни пожелали мои беспризорные губы. А также мятежная челюсть и бродяга-язык.

Несмотря на уже наметившуюся жесткость плейлиста я мог поставить в эфир все что угодно. (В рамках существующей в компьютере базы песен, конечно. Сейчас этого «чуланчика» уже давно нет. Но тогда я мог выдернуть из него любой трек – хоть песню Вертинского 1939 года.)

А говорил я в микрофон...

Впрочем, это история отдельная.

Тому, что я тогда выдавал в эфир, в современном радиобизнесе определения нет. Сегодня такое ставят в пример как причину немедленного увольнения. На одних радиостанциях за это штрафуют. На других – непоправимо наказывают в темной радиокладовой...

Что же я говорил в эфир?

Программный директор «Рекорда» придумал этому явлению специальный термин. Не слишком, может, академический, но точно отражающий суть. Термин такой: «обсирать артистов».

Что это значит?

Ну вот представьте себе: эфир. Играет, ну, скажем, «Руки вверх!». Ну предположим, песня: «Ну где же вы, девчонки?».

А в конце этого тепленького, еще не допетого до конца трека странный дяденька хриплым голосом вдруг рычит:

«Зачем эти сладкоголосо-безголосые зайчики пытаются всех убедить, что им нужны девчонки? Ведь такими нежными голосами поют только те, кто любит мальчишек... – причем любит, по несколько раз на дню...» – хрипел я в микрофон во время обычного дневного эфира.

Программный директор восторгов по поводу таких «выходов» не испытывал. Все это нравится ему, как сами понимаете, не могло.

Особенно, если учесть, что «Руки вверх!» были участниками мероприятий, которые периодически проводил «Рекорд»... (Как, впрочем, и другие обосранные мною артисты.)

Программным директором на тот момент был Андрей Резников. Он же был и одним из хозяев «Рекорда». Кем он благополучно и является по сей день. Ну в смысле, хозяином, а не программным директором. Хозяин Резников программного директора Резникова давно уволил.

Но тогда он был и владельцем и программным директором. Поэтому к моим «обсёрам» он относился с двойной «любовью»...

Как человек неглупый Резников понимал: говорить в эфире такое – это все равно как продавцу кваса мочиться, ну скажем, в квас. К тому же прямо на глазах покупателей.

Но как человек деликатный – а также учитывая наши приятельские с ним отношения, мою «хриплую харизму» (а возможно, эти «разоблачения» бессознательно удовлетворяли его альтер эго!) – всей этой прелести он мне строго не запрещал.

Однако тактично пытался изменить мою «творческую установку».

«Хруст, ты пойми: человек, слушая песню на радио, думает, что в эфир ее поставил именно ты! А как же ему думать? Ведь ты же в его представлении – диджей! А ты берешь и сам рубишь сук, на котором сидишь: говоришь, что исполнитель – мудака, а песня – говно. И слушатель вообще ничего не понимает!»

Поспорить было непросто...

Но изменить себе было тоже никак нельзя. Как отказаться от образа неподражаемого отморозка! Нажитого при этом непосильным трудом. Как же быть? Выход был найден!

Чтоб не идти против совести, с одной стороны, и не расстраивать любимого программного директора, с другой, была придумана схема. Настоящий «План Б»!

Так вот, я знал, что Резников во время моего эфира может слушать «Рекорд» только в двух местах: либо в машине, либо у себя в кабинете. Следовательно, для начала нужно было произвести ориентировку на местности. А именно – выяснить, где он находится в данный момент.

Если его нет на работе – весьма вероятно, что он за рулем. А это значит, что приемник он, наверняка, слушает.

В этом случае мои выходы в эфир – ничего не попишешь! – подлежали корректировке. Певцы становились чуть меньшими мудаками, а песни – не самым страшным говном.

Но такой компромисс был нестерпим правдолюбу!

Поэтому особым вниманием пользовалась стратегия «Кабинет». Кабинет программного директора. Тогда он находился через одну дверь от эфирной студии.

Ситуация была в следующем. Когда Резников сидел у себя в кабинете, приемник, настроенный на волну «Рекорда», как правило, был включен. Это плохо.

Но сидел он там не один – в те времена в помещении находилось еще несколько сотрудников станции. Это хорошо. Знание сей дислокации давало мне шанс на победу! И тут началась разведка боем.

Как бы невзначай я заходил в кабинет. Типа пошутить, поздороваться, спросить: «Ну как тут ваще сами?...»

Истинная же цель этой хитрой диверсии была иной: мне нужно было выяснить состояние приемника! Если радио выключено – тогда проблем нет: Резников эфир, очевидно, не слушает. А значит можно спокойно идти работать (ну, то есть обсирать артистов).

А вот если оно включено...

Вот тут-то и вступал в силу план!

Приемник стоял на шкафчике неподалеку от входа – протяни руку, и звука нет.

Но как это сделать? Ведь начальник-то в кабинете! А ты у него как на ладони! И сам сгоришь, и артистов не обосрешь!

Оставалось одно – усыпить его бдительность.

Но каким образом? Ведь сонного газа у меня нет!

Ничего не попишешь: внимание нужно было отвлечь собою! Запудрить мозги при помощи личного обаяния...

План был таким: посредством своей яркой индивидуальности в помещение нужно было внести сумятицу. Использовать как прикрытие всех сотрудников, находящихся там. Это требовало недюжинных сил. Физических и, конечно же, интеллектуальных. И трижды перекрестившись, я начинал осуществлять этот план. Я заходил в кабинет – и представление начиналось.

Громко кашляя, шутя и смеясь – временами делая все это одновременно – я незаметно пробирался к приемнику. Анекдоты, приколы, байки – все оружие было пущено в ход.

Сотрудники в кабинете, ухватившись за повод отвлечься от дел, сами начинали смеяться и балагурить. Еще минута – и в помещении полное разложение. Еще секунда – и деморализованы были все!

И вот я почти у цели.

Здесь напряжение нарастало. Кашель становился раскатистой. Смех – более сатанинским. Шутки – немного тупей. Говорить я начинал громче, чем это уместно среди хорошо слышащих. Кашлять – немного туберкулезней, чем полагается тому, кто здоров...

Все смешивалось: кашель плавно переходил в смех, шутки трансформировались в чахоточный кашель. Ресурсы организма были задействованы полностью.

Весь этот титанический труд был хитрым маневром, чтобы отвлечь внимание.

И вот когда оно было отвлеченно. Когда сотрудники и начальник были развращены окончательно. Когда орали и галдели уже абсолютно все – в этот момент и случалось самое главное! Вот тут-то и осуществлялся план! Тихонько, под шумок этого адского балагана, я тянул дрожащую руку к кнопке. Неслышный щелчок – и приемник стихал!

Опа – и музыка испарилась! Упс – и звуков в динамиках нет.

И главное – никто не заметил! Беснующимся в экстазе людям, как понимаете, не до приемника.

Ну а дальше – стремглав в эфир! И обсирать, обсирать, обсирать артистов...

Такой была граница эпох.

Так же проходила и остальная работа.

Мой тогдашний дневной эфир изобилдовал и другой экзотикой.

Еще раз отмечу: на других радиостанциях уже был проведен обряд экзорцизма. И вся «экзотика» была со стопами из эфиров изгнана. Последнее свое пристанище «эфирные бесы» нашли у меня.

Помимо прочего я проводил в эфире разные дивные рубрики. Иногда – прямо на играющих песнях.

Сценаристом и режиссером этих рубрик был не кто-нибудь, а я сам. Я сам их придумывал, сам решал, насколько они хороши, и сам же на месте приводил их все в исполнение. (Представить себе такое сегодня совершеннейшим образом невозможно.)

Была, например, рубрика «Надоело!». Я предлагал слушателям дозвониться в эфир:

«Звони и в одном предложении расскажи о том, что тебе надоело! Ведь всех нас по жизни кто-то достал!..» – таким был мой призыв к участию в этой чудесной рубрике.

Человек дозванивался. Я за эфиром снимал трубку и спрашивал: «Ты в рубрику „Надоело“? Если тот отвечал „да“, то я без дополнительных уточнений – что именно ему надоело – говорил „поехали!“ и тут же выводил „недовольного“ в эфир. Без всяких моих комментариев он начинал „жаловаться на жизнь“ прямо на играющем треке.

В итоге, на песне неожиданно возникал голос слушателя. Дальше – еще один, за ним – еще.

И вот одна за одной по радио звучали разные, странные фразы: „Надоело наше правительство!“; „Надоели говно-дороги!“; „Надоели хачи!“; „Надоело сидеть в тюрьме!“...

И все это – на песне какой-нибудь группы «Демо». «Ну где же ручки, ну где же ваши ручки?» – звучал жизнерадостный голосок певицы... «Надоели хачи!» – перекрикивал его угрюмый бас слушателя.

Была еще одна убойная рубрика. «Человек в кустах», называлась. Понятное дело, посвящалась гайцам.

Механика была той же.

Слушатель должен был дозвониться в эфир и «запалить» работника ДПС. Ну то есть, коротко рассказать о том, где он недавно видел «желающего поживиться гаишника».

Перед началом сего перформанса я неизменно толкал небольшую речь. Ну что-то вроде: «В эфире рубрика „Человек в кустах“. Посвящается тем, стоящим на дороге „путанам“, что забирают ваши деньги, не доставив вам удовольствия.»

Или: «Давайте расскажем миру о сидящих в кустах представителях российского право-порядка, чье истинное призвание – жалобно клянчить 500 рублей.»

Рубрика имела большой успех. Среди работников ДПС – особенно. Эту дикую популярность демонстрирует одна история. Ее мне рассказал мой коллега по радио «Рекорд». Будем называть его Дмитрий. (А собственно, почему бы и нет?)

Однажды, в те полулихие деньки, останавливает его, значит, гаишник. То ли скорость Дмитрий превысил, то ли двойную сплошную задел... Ну в общем, чепуха, ничего серьезного. По тем временам «отскочить» за это можно было рублей за пятьсот – не больше.

Пятьсот-не пятьсот, а платить никому не хочется. Особенно, если ты работаешь на радио и у тебя есть козырной туз – возможность передать гаишнику привет в эфире.

И вот мой коллега достает этот козырь из рукава:

– Добрый день! – говорит он смурному инспектору, вертящему в руках «трофейное» водительское удостоверение, – тысяча извинений, нарушил (не заметил – не разглядел – не успел...). В общем, все в лучших традициях дорожной отмазки.

Ну а дальше – как по накатанной: началась быстрая «подводка к привету».

– Товарищ лейтенант, ну правда не хотел нарушать... просто на эфир опаздываю, на радио...» – деликатно обозначается мой коллега. (Наживка заброшена.)

– А вы работаете на радио? – тучи на хмуром лице гаишника начали медленно расходиться. (Наживка во рту.)

– Да, – отвечает, Дмитрий, – кстати, могу передать вам в эфире привет.

Физиономия инспектора полностью озарилась. Стала улыбкой Чеширского кота. Одна сплошная улыбка и рука с правами. Показалось, что она даже дернулась в направлении владельца прав. Еще сантиметр – и они в руках у хозяина... (Хозяйская рука прицелилась на документ.)

– Правда? – сияет инспектор. А на какой станции вы работаете? – похоже, работник ДПС был настоящим радиоманом. Все складывалось у Дмитрия как нельзя более хорошо.

– На «Рекорде».

– На «Рекорде»? – переспрашивает гаишник уже ликующего внутри себя Диму, – на «Рекорде» это там, где Хрусталеv?

Ну вот и все! Осталось только кивнуть, подмигнуть, расписаться на протоколе и неверная пятихатка остается с тобой.

– Да, да! – вальяжно кивает головой мой коллега, ухватившись за хвост удачи, – Хрусталеv – это мой большой и старинный друг! – преувеличивает ради искусства он. И уже протягивает свою хищно-нетерпеливую руку. Пытаясь заглотнуть права в замешкавшейся руке инспектора.

И... И в этот момент гроыхнули громы! И солнце затянуло внезапной мглой. Карета резко превратилась в тыкву. Веселое лицо лейтенанта – тоже.

Улыбка вместе с солнцем погасла. Права исчезли из вида совсем.

– Друг? Это ваш друг? – грозно уточняет инспектор.

– Да... вроде бы... точно не знаю... – заметив неясную, но драматическую перемену в гаишнике, товарищ мой готов уже взять все слова назад.

Но поздно!

Посуровевшее лицо лейтенанта вплотную приблизилась к выпученным глазам водителя. И резко понизив голос, гаишник вдруг прошипел:

– Так вот, приятель, передай ка своему другу, если мы его поймает – дадим ему п. дюлей!

– П..дюлей! – зачем-то еще раз повторил инспектор, решив, по-видимому, усилить и без того убойный эффект.

– Так ему и скажи... он реально достал наших ребят засвечивать.

В общем, 500 рублей сэкономить не удалось. Хорошо, что ограничилось только деньгами. О своей работе на радио коллега мой гаишникам с тех пор не рассказывал. И я тоже, кстати сказать...

Так приходили двухтысячные.

Все эти истории прочерчивали водораздел: уходило времечко, наступали временища.

Ну и чтобы эта граница была совсем очевидной, приведем еще один случай. На сей раз, из чужого «эфирного жития».

Без него иллюстрация смены эпох будет преступно неполной. Возможно, эта история – и есть рубеж смены эпох.

Последний рубеж

История эта о нашем коллеге с другой радиостанции. Известном в те времена ведущим по имени Павел Верхов. (За этим звучным псевдонимом скрывалось обычное гражданское имя. А его настоящее имя было невзрачным – Павел Верхов.)

В начале двухтысячных Павел работал ведущим дневного эфира на «Русском радио». Прошедшее время глагола «работал» предательски приоткрывает сюжет...

История Павла – не только личная драма. Она вошла в анналы эфира, стала достоянием радифонда страны.

Сюжет, о котором мы вам расскажем – не просто обычный день из жизни радиоведущего той эпохи. Это страница в истории русского, с маленькой буквы, радио. «Казус Верхова», если так можно сказать.

Вы ничего о нем не знаете?

Странно.

Дело в том, что это один из самых известных радиоэфиров вообще. И пожалуй, единственный дневной эфир, который и спустя годы слушают в интернете.

Как так? Обычный дневной эфир – и слушают? В чем же его волшебный секрет?

Все просто: дело в том, что в прямом эфире «Русского Радио» во время программы по заявкам ее ведущий Павел Верхов – а ну ка догадайтесь с трех раз – что?

Читал стихи? Рассказывал о русской литературе?

Увы, на этом поприще известности не сыскать.

Конечно, нет, герой наш, как вы уже, видимо, догадались, был пьяным.

Но даже это по тамошним меркам фигня. Ну кто же в те времена не бухал в эфире! Проблема была намного сложнее. А проблема в том, что в эфире Верхов был не пьяным, а ПЬЯНЫМ. И даже не ПЬЯНЫМ, а ПЬЯНЫМ-ПЬЯНЫМ. И даже не ПЬЯНЫМ-ПЬЯНЫМ, а ПЬЯНЫМ СОВСЕМ.

В общем, пьяным он был, как это бы мягко сказали на «Русском радио», – в попу. Или как бы это сказали по-русски без радио – в совершеннейшее говно.

В эфире самой целомудренной станции России, этакого Первого радиоканала страны, Павел Верхов икал, рыгал и всячески разлагался. И что особенно плохо – отнюдь, не образно говоря.

Но хуже было другое: Павел не был пассивно пьян.

Между спазмами икоты он был, напротив, крайне активен.

А именно: напрашивался к позвонившим заказать песенку девушкам домой; все время пытался выяснить в эфире их точный домашний адрес, который они на радостях ему сгоряча сообщали; прокивал, что всех их безумно хочет; прорывивал о своей неземной к ним любви; непрерывно давал в эфире номер своего личного телефона, который, естественно, непрерывно в эфире звенел; сквозь судорожные сокращения диафрагмы мычал о своем «мощном либидо»; и почему-то периодически повторял: «ауч!».

Ну в общем, совсем не формат «Русского радио»! И даже отбивка «все будет хорошо!» – не спасла.

Ну что тут сказать? После такого перформанса ложа начальства аплодисментами не взорвалась.

Актер доиграл свой номер в напряженнейшей тишине.

Одна зловещая тишина! Ни криков «браво», ни недовольного свиста. Артиста попросили выйти на последний поклон. Артист торжественно поклонился и грустно ушел со сцены. И больше на радио уже не возвращался. (Хотя и по сей день делает безуспешные попытки туда устроиться.)

Так что же произошло? В чем секрет незабываемого эфира – рубца на теле «Русского радио» на вечные времена?

Мы попросили самого Павла от первого лица рассказать нам об этом случае. Описать, так сказать, прекрасные ощущения изнутри.

Он долго отнекивался, отбрыкивался, сопротивлялся... Потом импульсивно махнул рукой. Сказал: «Да гори оно все синим пламенем!» и написал вот это.

Исповедь виновника скандального эфира

Честно говоря, не самое приятное дело оставаться в народной памяти автором «пьяного эфира». Но и плакать по этому поводу, я думаю лишнее. Поэтому я и согласился вспомнить, как все это было на самом деле.

Дело было в 2002 ли в 2003, а может, и в 2001 году. К сожалению, точнее уже не помню. Но главное не в этом, а в том, что это были первые теплые дни весны... Когда сошел весь грязный питерский снег и трава начала поднимать свою зеленую голову...

Питерское отделение «Русского радио» тогда вещало из Ольгино – ближайшего пригорода Санкт-Петербурга. Из студии с прекрасным видом на Финский залив. Сама эта студия находилась на закрытой военной территории, с которой в советские времена осуществлялось глушение всяких там вражеских радио...

Сотни гектаров лесопарка, доступ к заливу и полное отсутствие людей, которое обеспечивала вооруженная охрана.

Удаленность от офиса радио – десятки километров. В помещении только те, кто имел отношения к эфиру. Сейчас мне даже странно, почему при таких условиях я не пил там каждый день?

На берегу собралась небольшая компания, состоящая из двух-трех операторов эфира, водителя и меня.

«Операторы эфира» – это рудимент докомпьютерной эпохи. Без них, как сейчас без компьютера, работа радио была невозможна. В задачи этих операторов входило на слух определять окончание федерального блокарекламы, переключаться на местный эфир и запускать региональные ролики. Их они, кстати, собирали в рекламный блок вручную – по факсу из офиса.

Техническое оснащение радиостанции на тот момент было на уровне радиорубки пионерского лагеря СССР. Песни мы ставили в эфир с двух огромных дек SONY, успевая между ними каким-то образом еще и включить джингл с компьютера.

В общем, был теплый весенний день. На календаре была суббота, что еще большие способствовало хорошему настроению...

Мне нужно было провести два «Стола заказов». Это такая программа по заявкам радиослушателей, куда звонят обездоленные, в глубокой депрессии, на пороге сумасшествия люди. Других эпитетов я подобрать для них не могу. Поскольку не могу себе представить вменяемого человека, упорно набирающего телефон радиостанции, чтобы передать привет «любимому» или «другу», который часто сидел с ним рядом в этой же комнате.

Были еще такие персонажи, которые писали бумажные письма по почте. Но к этим посланиям я даже не прикасался из-за боязни подхватить какую-нибудь заразу... Брать их в руки можно было только после алкогольного дезинфицирования...

Кстати многие слышавшие ту печальную запись, думают, что сексуальную тему я стал поднимать только из-за выпитого алкоголя. Нет. На самом деле она была лейтмотивом всех моих эфиров «по заявкам» на «Русском радио». Причина очень простая. Во-первых, на тему секса очень легко шутить: любое слово, обозначающее половой орган, вызывает

радость. Во-вторых, большинство поздравлений и приветов идет от любимых к любимым. А тут уж тема сама подворачивается сама собой...

Так вот, засада была в том, что эти «Столы заказов» были разнесены во времени на 2 часа. То есть после первой программы возникала пауза, которую, нужно было чем-то занять. Заметьте, я не хочу сказать, что если бы не перерыв, то о выпивке бы и не было и речи. Конечно, была бы! Нажрался бы я все равно. Но, по крайней мере, не до такого свинячьего состояния...

В общем, решив, что нужно срочно выпить, за весну, за погоду, за Финский залив, мы послали гонца в ближайший алкогольный магазин – на железнодорожную станцию Ольгино.

После чего я благополучно начал первую часть «Стола заказов»... Искрометно шутил, упражнялся в словесной эквилибристике. В общем был, как обычно, героем...

И вот, возвращается наш курьер с пакетами долгожданных товаров... И конечно, никакого перерыва мы ждать не стали – откупорили восемь бутылок прямо в студии. Весна и Финский залив требовали, чтобы мы выпили за них немедленно, прямо в эфире...

Попойка в эфире плавно переросла в перерыв. Первая часть программы закончилась. Операторы переключили эфир на Москву – и началась двухчасовая пауза. Еще два часа «алкогольного перерыва» – и я уже был пьяным в хламину...

Ну а тут и вторая программа подоспела... И я, пошатываясь, снова пошел в эфир... Где шутил уже, надо признаться, менее искрометно...

Теперь два главных вопроса, которые мне задавали раз сто. На первый из них я могу дать ответ только отчасти. Вопрос такой:

«Зачем ты в таком состоянии полез к микрофону?»

Что я могу сказать? Всею виной мое врожденное чувство ответственности. Не мог же я пропустить эфир! И не пропустил – провел героически до самого последнего вздоха.

Другой вопрос звучит так: «Почему же все эти операторы эфира позволили тебе сесть за руль радиостанции в жопу пьяным?»

На это есть только один ответ: эти люди были такими же пьяными, как и я...

В любом случае к ним у меня нет никаких претензий: ребята добросовестно убирали из-под стола нечистоты, которые я извергал из себя в промежутках между разговором со слушателями и песнями... (Песни, кстати сказать, я ставил в этой программе каждую по два раза: не попадал в кнопки на этих дурацких деках SONY...)

Ну а то, что я дал свой личный номер мобильного телефона прямо в эфире – это действительно серьезный косяк... Звонить, как заведенный, он начал прямо в программе. А закончил – только вчера...

Запись уже на следующий день попала в интернет.

Некоторое время я мог наблюдать там дискуссию о своей персоне. Фейсбука с Контактом еще не было, поэтому слава оказалось умеренной.

Закругляясь, наверное надо остановиться на последствиях данного проступка. Конечно, никто из начальства не был рад такой выходке... Но все были живыми людьми, а не как сейчас хипстерами – и поэтому спустили это дело на тормозах.

Я не был уволен, и меня даже не оштрафовали. Брызгая слюнями на меня тоже никто не орал. Наверное, я был настолько крутым ведущим, что терять такого ценного сотрудника из-за такой промашки, никто не хотел.

Очень хочется так думать. Но здравый смысл подсказывает, что всем было просто лень заморачиваться – искать умеющего связать пару слов человека ради редких питерских включений.

Но это я про питерское начальство... В Питере люди хорошие...

Когда же запись этого эфира дошла до московского головного офиса, – там слегка обалдели. А когда они узнали, что персонаж, позволивший себе такое, до сих пор работает на их радио – тут им стало совсем плохо.

Ну и в целях поддержки общей дисциплины московский программный директор потребовал прогнать «крутого ведущего» в шею. В общем питерскому руководству пришлось меня все-таки уволить...

С момента проступка, прошло уже несколько месяцев, поэтому я, конечно, был удивлен...

Кстати, когда в Питере открывали вещание местного эфира «DFM», а эта станция входит в тот же холдинг, что и «Русское радио», вести это мероприятие пригласили почему-то меня... Наверное, на тот момент в Петербурге я был самым трезвым ведущим...

В завершение полагается сделать выводы. Несмотря на то что прошло много лет, я все еще краснею и выхожу из помещения, если кто-то при мне включает запись того «выступления»...

Признаюсь: я бы хотел изменить тот день... Вне зависимости от того, уволили бы меня или нет.

Конец

Вот так вот в муках, с блевотой и покаяниями рождались новые времена. Возможно, именно эта история закрывала собой страницу под названием «радиобеспредел «90-ых». Ведь уволили не только Верхову. Вместе с ним прогнали эпоху!

Хотя, как видим, и уволили-то не сразу: даже по поводу такого эфира в те времена у начальства было два мнения: «какой ужас!» и «а вроде бы и не криминал.»

Да и сам автор своему увольнению как будто бы удивлен: мол, а чего здесь, ребята, такого? Ну выпили, ну порыгали в эфир – и че?.. Кто не бухал в те бурные времена в эфире! Неужто этим можно удивить закаленного слушателя? Бывалую аудиторию икотой в микрофон не проймешь.

Но в исповеди Павла есть один важный момент – наш герой не может понять: а почему же он, черт подери, так напился?.. Что, впрочем, вполне естественно: ведь изнутри о причинах судить нельзя.

А между тем причины эти очень конкретны. Ответ на вопрос «почему все так вышло?» – есть...

Пускай цветисто и несколько литературно, но Верхов в своей «объяснительной» выразил главное – дух. Дух времени. Аромат эпохи. Амбре безвозвратно ушедших лет.

Сегодня такая история невозможна.

Не потому что радиоведущие больше не пьют. И не оттого что «в студии тогда мог находиться только тот, кто имеет отношение к радио. И даже не потому, что сегодня там обычная проходная. А также не потому, что снаружи – строгий программный надзор... Нет.

Все дело в атмосфере. В неповторимом запахе времени.

А у запаха есть источник. Так откуда же так тянет духом?

История Павла очень важна. И отнюдь не своей «алкогольной интригой». Она всего лишь финал. Последнее звено в цепи причинно-следственных связей. Эта ржавая цепь ползет от чего-то сразу неуловимого к икоте в ушах тысячи радиослушателей...

Все то, что лишь тенью промелькивает на заднем плане этой истории, сыграло не меньшую роль, чем ее главный герой. (Не Павел, конечно, он персонаж страдательный, а бутылка водки.)

Все эти факсы, письма, «кнопки на деках» – персонажи отнюдь не второго плана. Не стоит и говорить, что ни факсов, ни писем от слушателей на радио больше нет. Последнее бумажное письмо пришло на «Маяк» еще в две тысячи пятом. Не считая, конечно, тех писем,

что идут туда «Почтой России» и до сих пор – из Горького, Куйбышева, Ленинграда и Сталинграда...

С тех самых далеких пор конвертов с марками на радио не видали... Конверты и марки – это теперь легенды «темных времен».

Они и есть зачинщики этой драмы!

И внешней канве рассказа не затмить реальных причин! За верхним слоем сюжета проглядывают виновники истинные, но заметные лишь едва. Они спрятались за кулисы событий и лукаво нам из-за них подмигивают.

«Проигрыватель Sony»; «студия на закрытой военной базе». Вся эта чертовщина невидимой рукой сплела этот грустный алкосюжет.

И «посланный за водкой гонец» – какой-нибудь поклонник ведущего, по совместительству эфирный дежурный – тоже злой демон лихой эпохи. Анахронизм тех далеких и окаянных лет. И Финский залив – тоже двуликий Янус! Предатель, иуда, лицемер, фарисей! Ну не может быть залива у радио, чтобы ведущему не напиться!

Все это – темные призраки девяностых. Действительные виновники сего печального торжества. Эти обманчиво невинные герои предательски вели участников этой драмы к драме. В один прекрасный момент они должны были сыграть свою злую роль.

«Народные письма» и «услужливые гонцы за бутылкой» создали эту пьесу не в меньшей степени, чем спиртное. И внезапная бутылка водки причиной, конечно же, не была. Она лишь вишенка на этом дьявольском торте. Финальный аккорд в симфонии атрибутов шальной поры. Последняя визгливая нота – в пиликанье пейджера, в мерцании чугунного пульта, в шуршании писем в руках облегчившегося ведущего... В них – вся хмельная атмосфера. Они – и фон и тайная пружина всего. Пили, конечно же, водку, но пьянило совсем другое. Икали, рыгали, кричали: «ауч!», но корень зла, конечно, не алкоголь.

И кстати: наш герой Павел, до своего увольнения работал не только в эфире.

На «Русском радио» он иногда еще и проводил инструктаж: обучал новичков – вновь пришедших на эту радиостанцию ведущих.

Одним из его стажеров была будущая звезда Первого канала Иван Ургант. В начале своей карьеры он пришел на «Русское радио» устраиваться работать в дневной эфир.

А Верхов к тому моменту уже довольно долго работал на этом радио. И как старший товарищ учил Ивана разным полезным делам: как вставлять-вынимать, что трогать, чего не трогать, как правильно начинать и когда лучше всего кончать. В общем, рассказывал «новобранцу» о тонкостях эфирной работы. И был, таким образом, первым учителем будущей телезвезды.

Учеником Иван Ургант оказался неважным. Этот слабак на Первом канале так ни разу и не рыгнул.

А если серьезно.

В этой истории есть два важных момента. Первый: даже после такой вакханалии Павла все равно куда-то там приглашали. И это не частный случай, объясняемый его крутизной. Это инерция и консервативность. (О них мы поговорим в следующей части книги.)

И второй – это сексуальная тематика.

Та самая, что «лейтмотивом» проходила через эфиры Верхова. Это тоже неотъемлемый атрибут времен.

Секс, шутки ниже пояса, эротические аллюзии – все это на радио уже невозможно. И по стилистико-эстетическим соображениям и по цензурно-юридическому «нельзя». (А об этом наша следующая глава.)

И так называемые «герои» радиоэфиру тоже больше не требуются. «Вот вам, товарищ герой, поднос – идите обслуживать посетителей.

И секс-символы...

Еще один ушиб 90-х. Реакция на семидесятилетнее советское целомудрие. На то самое знаменитое «секса в эсэсэсэр нет».

Так вот, в девяностые в России секс был. Верней, ничего кроме секса тогда в России и не было. По крайней мере, на сценах, аренах, подмостках, а также в газетах, на радио и ТВ.

Ведущим и артистам приходилось непросто. Времена были трудные, нужно было из последних сил возбуждать.

Извернись, а эрекции зрителя добейся! Разбейся в лепешку, но до оргазма публику доведи!

И что поделаешь – доводили! Порой через боль, через не могу. Для творческих людей тех лет – это было не просто делом престижа. Это был вопрос физического выживания.

Тот, кто хотел снискать народное уважение, становился секс-символом. Любой артист моложе ста лет именовал себя только так.

С распадом Союза известные люди сменили звания. Народные артистки переквалифицировались в секс-бомб. Заслуженные деятели искусства превратились в мачо. Лауреаты и кандидаты тоже старались выглядеть аппетитно.

Народные секс-символы и заслуженные секс-бомбы дружно сняли свои трусы. Творческая интеллигенция вышла на сцену голенькая. Культурная элита страны торжественно припустила штаны. Лидеры мнений обнажили свое исподнее.

Актеры не столько играли, сколько показывали промежности. Певцов узнавали не столько по песням, сколько по писюнам. Российский зритель знал каждую родинку обожаемых ими артистов. Российский слушатель знал назубок все трещинки любимых ведущих.

Ведущие в своих программах все время кого-нибудь соблазняли. Брутальные мужские басы доносились изо всех передач – даже из детских и культурно-просветительских. Оттуда же раздавались и сладострастные женские стоны.

И, кажется, даже Хрюша в «Спокойной ночи» в те времена чуть-чуть оголился. И то и дело похрюкивал тестостероновым басом...

И «Стол заказов» в те секс-символические времена не избежал эротизма. Даже программу с таким канцелярским названием почему-то вели «секс-символы» и ловеласы.

Таковым было жестокое требование эпохи.

Но настали новые времена.

Эротика в «Спокойной ночи» закончилась. Артисты надели трусы. Ведущие перестали зазывно постановать.

Сегодня за «Столами заказов», как и положено, сидят продавцы – услужливые дяди и тети. А не обольстители с распахнутыми плащами на голых телах.

Эпоха сексуального тоталитаризма осталась в прошлом. Вместе с чугунными проигрывателями и деревянными дисками.

Ну и, конечно же, люди.

Они тоже, увы, не те. И кажется, вокруг все та же природа, все та же живописуемая Павлом весна... А вот люди уже другие. Мельчает, мельчает народ...

Кстати «Стол заказов» – еще одна разновидность программы на музыкальном радио – «программа по заявкам». Единственная передача, которую дали на откуп ведущему дневного эфира. Но и об этом, как вы уже догадались, мы тоже расскажем потом.

А времена действительно необратимо менялись...

Конец разгулу девяностых

Времена менялись.

Но лично мы это осознали только в 2015 году.

Именно тогда радио «Рекорд» получило так называемое «предупреждение» от Роскомнадзора. (Роскомнадзор – российский комитет по надзору за СМИ).

А виновниками этого были... Посмотрим с возмущением по сторонам... Нет, все-таки нужно признать: виновниками этого были мы.

Надо сказать, что предупреждение от надзорного органа – штука довольно серьезная. Для музыкального радио – ЧП. Случаи, когда кого-нибудь «предупреждали», можно пересчитать по пальцам. Да и то лишь одной и, пожалуй, беспалой руки.

Дело в том, что таковых «предупреждений» бывает лишь два – первое и второе. Второе, оно же последнее – финал. После него контролирующий комитет вправе обратиться в суд с иском об отзыве у СМИ лицензии на вещание. И если суд этот иск удовлетворит...

В общем, история уникальная в плохом смысле. Такая движуха твердо давала понять: новые времена наступили! И как всегда – в самый неподходящий момент...

Приперлись эти времена, как назло, тогда, когда мы с Кремовым «пропагандировали порнографию». Не раньше не позже, черт бы их разодрал!

А было это так.

В нашей импровизационной, в целом, программе есть достаточный элемент подготовки. Примерно 40 на 60. Где 40 % – подготовка, 60 % – импровизация. (Бывает, что первая цифра намного меньше, а вторая, соответственно, наоборот.)

Подготовка – это отбор новостей. А новости – это то, что мы как бы юмористически обсуждаем.

И отбирая новости для передачи, мы обычно приблизительно проговариваем, что именно мы будем в них обсуждать.

Не всегда. Во множестве случаев этого не происходит. Поскольку, мы имеем достаточный опыт и нам так более-менее ясно все.

А вот «главную» новость мы «мнем» обязательно. Первая новость в программе – не просто «хи-хи-ха-ха». Это сквозная тема для разговора с аудиторией. Из нее нужно выжать какой-то вопрос.

Ну например.

Ну например, есть новость про должника: «Мужчина отдал приставу за долги свою любимую вставную челюсть.» Вопрос аудитории будет таким: «Есть ли у вас долги, и какими вещами вы готовы их погасить?»

Или есть новость про пристава, который «пропил вставную челюсть, изъятую у мужчины.» Здесь мы в эфире спросим: «А как лично вы используете свое служебное положение?»

В общем, мы находим какую-то информацию, выводим из нее вопрос и задаем его слушателям. А слушатели на протяжении передачи на него отвечают: звонят по телефону, присылают смс и т. п. . . .

Сложность состоит в том, что новости есть всегда, а вот «темы» может и не случиться. Ведь с учетом «юмористической стилистики» нашей программы нам нужно не только придумать вытекающий из информации вопрос – нет ничего проще! Но также необходимо, чтобы возможные на него ответы давали хоть какую-то почву для шуток. Поэтому часто бывает так: новость вроде хорошая, а вот с нужным вопросом – беда.

Именно так и случилось в тот злополучный день. Никакой подходящей темы ну не было совершенно!

Что делать? Пожаловаться Путину? (Но Путин, говорят, в тот момент разбирал жалобы от ведущих «Шансона» и «DFM».)

Спокуха!

На этот случай у нас имеется «аварийный выход»! Мы достаем из-запасников сознания свой «личный инфобагаж» – забавные наблюдения, смешные происшествия, улично-транспортные истории... В общем, берем так называемую тему из жизни.

Жизнь на тот момент была такова, что мы решили поговорить о порно.

Кто-то из нас в тот день поспорил с друзьями: какая порнуха лучше – импортная или отечественный продукт?

(Кстати, «кто-то» – это был я, а друзья – это генеральный продюсер «Рекорда» Андрей Резников и наш общий приятель Коля.) Вот мы и решили «продолжить» в эфире этот жаркий и бескомпромиссный спор.

«Порнофильмы какой страны вам нравится больше всего и почему?» – так мы сформулировали вопрос слушателям.

Конечно же, анализировать фильм «Анальные неряшки» никто всерьез не хотел. Смаковать горизонтальную игру порноактеров мы тоже не намеревались. А что касается пропаганды... Эта тема достойна философского трактата.

Что значит пропагандировать порнографию на радио – нам неясно и по сей день.

Пропагандировать – значит способствовать распространению. Вопрос: зачем? Разве порнографию никто не видел? Возможно, кто-то не видел, – скажете вы. О, да! Но ведь она в нашей стране не запрещена! Разве она незаконна, как, скажем, марихуана?

Да, но ее пропаганда-то не законна!

Но у пропаганды должна быть цель! А с какой целью ее распространять лично нам? Разве мы – ведущие – порномагнаты?

Какая разница? Нарушали закон!

Тогда выходит, что обсуждение и пропаганда – одно и то же? Значит порнуху нельзя обсуждать? А если не одно и то же, то в чем-тогда, простите, различие?

Другой вопрос – дети. Вопрос, конечно же, важный.

Но у нас уже есть закон об ограждении детей от подобных вещей! (Так называемый «закон о детях».) И есть закон о пропаганде порнографии. (Так называемый «закон о СМИ».) И если первый запрещает говорить в эфире о порно при детях, то что-тогда запрещает второй? Рассказывать о порнографии взрослым? То есть, и тем и другим, с учетом первого и второго закона?

Значит, порнография – как гостайна? О ней нельзя говорить вообще? Или говорить можно, но нельзя пропагандировать? А где заканчивается разговор и начинается пропаганда? А кто решает – пропаганда или разговор? А может, порнография – это все-таки зло, подобное оружию и наркотикам? Тогда почему она, как наркотики, не запрещена?

Короче, вопросов много... Не меньше, чем порнофильмов.

Но не будем оправдываться. Скажем только одно: эту тему эту мы использовали аллегорично, как способ поговорить о чем-то другом – о кино, о современном зрителе, о политике и даже о российском менталитете...

Разумеется, мы контролировали процесс и не читали «грязных» эсэмэсок в эфир. А перед началом программы так и вообще предупредили: мол, увидите детей от приемников.

Но все это уже не спасло.

Через месяц на имя генерального директора радиостанции, Людмилы Александровны Резниковой, приходит письмо. Самое неприятное из тех, что может получить руководитель медиа: «предупреждение».

Текст этой хмурой бумажки гласил: «Такого-то числа, в программе „Крем Хруст“ содержалась пропаганда порнографии...»

Вот так вот мы и узнали, что означает это страшное злодеяние. Пропагандировать порнографию, в нашем случае – значит просто быть самими собой...

Ну что тут сказать: началась настоящая паника!

Умеренно мнительные говорили, что это «заказ на „Рекорд“». Параноики рангом выше углядели во этом «давление на владельцев радиостанции». Самые опытные конспирологи полагали, что это атака на нас лично.

Так что же это все-таки было? Атака? Заказ? Давление?

Ответ трудно. Никто не знает и до сих пор.

Скорее всего, мы просто стали жертвой кампании. Попали под зачистку «нравственного топора».

В те дни на дворе трещали морозы проверок. Роскомнадзор заявлял о себе (с топором). Телевидение уже давно было под зорким приглядом. А разгулявшееся радио для остротки стоило шугануть. (В нашей программе, например, было достаточно «неправильного» политического юмора. Да и вообще чёрт-те еще чего.)

А Роскомнадзор – эта такая тайная жандармерия. Гаишники на дорогах морали. Или полиция нравов в области СМИ.

И палочная система (система в полиции, которая устанавливает план по раскрываемости преступлений) ей тоже не чужда совершенно. Вот они и кинули пару палок... Одна из которых попала в нас.

В общем, прослушивали и окружали всех по периметру...

При этом надо заметить: жертвами «надзора» стали не только мы. Параллельно с нами предупреждения получили сразу несколько средств массовой информации.

Правда, оказались мы в довольно необычной компании.

Первым из этих СМИ было «Эхо Москвы». Радиостанция получила предупреждение за «оправдание практики военных преступлений». Вторым – «Новая газета». Это оппозиционное издание наказали за «экстремистское высказывание» ее колумнистки – Юлии Латыниной. Третьим было информационное радио «Говорит Москва». Его «предупредили» за «программу о свингерах».

Пожалуй, только последние походили на роль наших коллег. Да и то лишь с учетом обсуждаемой ими общественно важной темы.

И началось: суды, разбирательства, тяжбы...

Проблема была в том, что никто совершенно не понимал: «пропаганда порнографии» – это собственно что?

За долгие годы наведения «нравственной чистоты» наша страна вымучила определение порнографии.

Это несколько истерическая дефиниция выглядит так:

Под порнографией понимается натуралистичное, циничное изображение полового акта и детализированная демонстрация обнаженных гениталий человека в процессе сексуального контакта, имеющие целью возбуждение сексуальных инстинктов у неопределенного круга лиц вне какой-либо художественной или просветительской цели...

Вопросов и к определению, конечно, немало. Ну, например, что такое «циничное изображение»? Или как с лету отличить цель художественную от не таковой.

Но так или иначе определение порнографии у нас есть.

А вот что такое ее пропаганда? Да еще, извините, в случае с радио?

Этого толком не понимал никто.

А посему в желании установить истину нашу «крамольную передачу» слушали лучшие эксперты страны – филологи, юристы, психолингвисты...

С этой же целью ими был подробно изучен отборнейший XXXX материал.

После месяцев нелегкой работы эксперты вышли из своих кабинетов взъерошенные. Теперь юристы-психолингвисты знали о порнографии все!

Нам неведома дальнейшая судьба всех этих филологов. Поменялись ли их ценности, продолжают ли они работать на тех же местах? Но в одном мы уверены твердо: прежними они уже не остались. Ведь битва филологического с порнографическим предрешена.

В итоге мнения экспертов разделились поровну.

Одни считали, что таки да: пропаганда порнографии в нашей программе была. Другие категорически с этим не соглашались. Из чего ясно: тема в нашей стране горячая. Интеллектуалам еще предстоит над ней поломать головы и руки.

И это неудивительно: ведь для того чтобы разобраться – был ли факт пропаганды порнографии, нужно для начала это понятие четко выверить. А поскольку такого определения нет, то и вынести однозначный вердикт практически не суждено.

Дело в том, что сама статья «пропаганда порнографии» унаследована российским законом у СССР.

Но в советской России ее наличие было вполне оправданным. Ведь порно, как элемент «сладкой жизни» капиталистических стран, в условиях «развитого социализма» было запрещено. Следовательно, запрещено и его распространение. Что же это статья означает сегодня – известно одному богу и тому, кто перенес ее в новое российское законодательство.

Короче, год судебных процессов был насыщенным и продуктивным. Юристы больше не путали групповуху с BDSM. Психолингвисты на раз отличали фейсситинг от фистинга. Судьи определяли сход: Рокко Сифреди или Пьер Вудман. (Говорят, даже не глядя на лица этих порноактеров...)

Невыясненным оставался только один вопрос: была ли в нашей программе пропаганда порнографии?

А вот этого-то мы как раз и не поняли.

Зато мы уяснили другое: сменилась эпоха, сдвинулся тектонический пласт. Больше на радио с порнушкой не побалуешься.

Но если закон о пропаганде порнографии у нас был всегда, то основной «цензурный устав» появился совсем недавно.

«Пропаганда гомосексуализма», «Закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – все эти законы были приняты в недалеком прошлом (1 сентября 2012 г.).

Коварны они не только своей внезапностью. Их достаточная неопределенность тоже довольно хитра.

Вы точно знаете как случайно не распропагандировать гомосексуализм? Вы на сто процентов уверены, что ваша информация не причиняет вред детям?

Именно этот закон ввел классификацию информации по возрастным категориям. Ну это когда начальник медиа должен думать не только о том, кто его будет слушать или смотреть. Но и о том, кто его смотреть и слушать не должен. Второе даже теперь важнее. Поскольку, «не попав в аудиторию» он в худшем случае теряет лишь рейтинг. А вот облажавшись с возрастной маркировкой можно и лицензию потерять.

«Возрастная классификация» – это те самые «6», «12», «16», «18 плюс». Этими цифрами обозначается возраст «детей», которым не рекомендуют просмотр или прослушивание. Теперь они везде, где есть рекламное изображение или звук.

«6 плюс» – означает, что слушать программу можно только начиная с шести годиков. «12 плюс» – с двенадцати лет...

Есть и совсем inferнальная маркировка: «до нуля нет». Кому и чего она не рекомендует – неясно. Это остается тоскливой загадкой новой российской действительности...

Кстати, первым под топор этого закона попал – нет не порнографический фильм с элементами некрофилии. Угадайте, какое скабрeзное произведение искусства первым полетело в инквизиторскую печь?

Не угадали?

Ну конечно же, это был старый советский мультик «Ну, погоди!» Бдительные цензоры определили его как «18 плюс» (то есть запрещено для детишек).

Правильно, ведь ничто не наносит детскому развитию такой вред, как вид полуголого волка!

Вы спросите: а что же советская власть? А как же российский зритель? Куда же все это время смотрели они?

А они, близорукие, так и не смогли углядеть растления! Но ясные очи Роскомнадзора «до конца разглядели врага»!..

Впрочем, вскоре крамольный мультфильм реабилитировали. В Роскомнадзоре заявили: «Ну, погоди!» запрещать не будут. Пока. Поскольку является он – нет, не безвреднейшим детским мультфильмом, конечно же, это не так! – а национальной культурной ценностью. Так что помилуем его ради былых заслуг.

Бесспорно, порочно-растленный волк и курит, и бегаeт полуголый, и проявляет, мерзавец, агрессию! Но так и быть – ради искусства закроем на эту пакость глаза.

Короче, мультфильм получил условно.

Но осадочек все равно остался. И хоть волка с зайчиком оправдали, но зверюшки уже явно не те.

Приглядитесь: волк теперь скован и напряжен. Зайчишка – в каком-то нервном зажиме. И даже свинье немножечко стыдно, что она, свинья, не двуглавый орел...

В общем, раздолье закончилось. Начались взрослые армейские будни...

А появление этих законов прочертили собой рубеж. Они разделили эпоху на «до» и «после».

То что было вчера рутиной – теперь крамола. Там, где лишь год назад был эфирный фон – сегодня статья УК. Шутки ниже пояса, эротические анекдоты, эксплуатация сексуальной тематики – все это сожжено на алтаре нового целомудрия.

«Закон о детях», например, вдруг выявил еще одну деликатную тонкость: различие между половыми и сексуальными отношениями!

Оба-на! (Это особенно загадочно, если учесть что слово «sex» с английского переводится как пол.) Да, такая вот половая разница!

Вот кусочек из этого закона:

К допускаемой к обороту информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет, может быть отнесена информационная продукция, предусмотренная статьей 9 настоящего Федерального закона, а также информационная продукция, содержащая оправданные ее жанром и (или) сюжетом... В частности эксплуатирующие интерес к сексу и не носящие оскорбительного характера изображение или описание половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением изображения или описания действий сексуального характера...

Вы уверены, что сходу сможете назвать разницу между половыми отношениями мужчины и женщины и действиями сексуального характера? Не получилось? А со второй попытки? Не расстраивайтесь, это, действительно, нелегко.

Что такое «половые отношения»?

Отношения между представителями разных полов? Окей, Коля звонит Маше по телефону – это отношения половые? Или «отношения», но не «половые»? Или «половые», но не «отношения»? Или «половые отношения», но не до полового конца?

Где заканчиваются «отношения половые» и начинаются «действия сексуальные»? В какой момент первые становятся вторыми? И всегда ли вторые вытекают из первых, половых?

Или из первых-половых может ничего и не вытечь? Тогда что это такое – «половые отношения между мужчиной и женщиной» вообще?

А между женщиной и женщиной половые отношения возможны? А между женщиной и мужчиной – нет?

Если да, тогда, видимо, речь идет о «сексуальных действиях». Но тогда «половые отношения» и «сексуальные действия» – одно и то же. Если же нет, и «половые отношения» – это любые, не обязательно сексуальные отношения между женщиной и мужчиной, тогда зачем к слову «половые» прибавлять «между женщиной и женщиной»? Значит, между женщиной и женщиной «половые» отношения тоже возможны? Тогда это все-таки «сексуальные действия». Поскольку два (или даже три) мужчины – это один пол. И «половыми» их отношения могут быть только в смысле «ого-го половые!» Такие они половые, что ну просто кошмар! До того они, мол, отношения половые, что аж прям сексуальные действия!

Так значит между «половыми отношениями» и «сексуальными действиями» все же разницы нет?

Есть! – уверяет новый закон. И мы снова встаем на наш дьявольский «половой круг»...

Все эти загадки поставили работников медиа перед новой, интересной проблемой. Половые или не половые – вот в чем теперь вопрос!

Вы пришли со своей девушкой в кино – это отношения какие? А вот она, в темноте кинозала взяла вас, страшно сказать, за кисть. А вот вы ее поцеловали в щечку. Это как, вы уже перешли сексграницу или все еще находитесь на половой родине?

Про кино с девушкой в эфире рассказать можно? А про руку? А про щечку и поцелуй?

А вот вы вообще ни в каком не в кино. А дома с геем в руках: читаете книжку гомосексуалиста Оскара Уайльда. И книжка вам эта понравилась. А потом вы пришли на эфир. И в эфире сказали: «Я сегодня читал Оскара Уайльда. И книжка мне эта понравилась. А потом добавили: «Лучший писатель – Оскар Уайльд». Поэтому его книжку я сегодня подарил девушке. Которая за это меня поцеловала в щечку...»

Это что?

Сексуальные действия? Половые отношения? Или, вообще, пропаганда гомосексуализма? Ответить очень непросто. Ясно только одно: во все эти половые щели лучше вообще теперь не влезать.

Кстати, из этих соображений главред «Эха Москвы» через неделю после появления этого закона снял с эфира одну из самых рейтинговых неполитических передач. Безобидную просветительскую программу, где психолог говорил со слушателями о сексуальных проблемах. А головы программ откровенно эротического содержания тут же полетели долой.

Что же касается нашего шоу, то его после этой истории перенесли. Нет, не в могилу, но на один час вперед. С 20:00 на 21:00. Видимо, с этого времени пропагандировать порно уже потихонечку можно.

Теперь мы крайне осторожны с темами и словами. И перед тем как что-то сказать в эфир – звоним. Звоним нашему корпоративному юристу – измученному и поникшему человеку. Измученному, так как звоним мы ему по любому поводу. Поникшему, поскольку звоним ему иногда по ночам.

– Але, Евгений, привет! А можно нам в эфире сказать слово «мама»? – спрашиваем мы юриста.

– Можно, – уныло отвечает юрист, – если только это слово не используется в контексте «сексуального действия».

Короче, новые «нравственные» законы подвесили СМИ на крючок. Теперь виси и оглядывайся по сторонам!..

Здесь нам нужно оговориться.

Мы совсем не приверженцы либертинизма (философии отрицающей общественные нормы). И не считаем, что все цензурные ограничения нужно наглухо отменить. Мы не даем оценки. Судить об этих законах можно будет только по прошествии времени.

Мы просто хотим зафиксировать изменения. Четче структурировать времена. Была одна эпоха – наступила другая. Маятник качнулся вперед, потом опять улетел назад. Этот прибор в нашей стране щелкает часто. Важно услышать момент самого щелчка.

Мы любим говорить про какую-то «современность». Но никакой единой каши из современности нет. Сегодняшний день и завтра могут быть уже совершенно разными временами. И эту «грань веков» ведущим нужно осознавать.

Мы народ довольно широкий, рисуем только большими мазками. Все, что меньше второго пришествия, с нашей дальнoзoркoстью не разглядеть. Для нас не слишком крутой поворот – не событие. Для нас событие – только большие перевороты. А уж такие мелочи, как новый цезурный законикo... Так, в шуме суетного океана еще один лязг челюстей.

Человеческий мозг имеет такую склонность: он всегда воспринимает привычное как вечное. Мы плохо замечаем маленькие изменения. А если и замечаем, то толкуем их в духе привычного нам уже. Мы часто говорим: такая у нас жизнь...

А жизнь уже не такая.

Она уже не та, что месяц назад. Все меняется так быстро, что порой не сообразишь: это все еще настоящее, или уже «прекрасное будущее»? Мы уже в незнакомом сегодня, или все еще в уютном вчера?

Так что 90-ые закончились не в двухтысячном. Ушли они в тот момент, когда нашей программе было вынесено предупреждение. А значит, девяностые закончились в 2015-ом году.

По крайней мере – для нас лично.

Радиоведущий: взлет и падение

Но в начале двухтысячных все было совсем по-другому. И ведущий тоже был совершенно иным. От современного «официанта эфира» он отличался довольно сильно. В спектакле радио у него была главная роль. Сама эта свобода говорила о его значимости.

И даже обычный «дневник» имел огромную ценность. Он был важен настолько, что за ним бегали и пытались его...

В общем, дело было в 2002 году. (Один из последних лет «золотого века» дневного радиоведущего).

Я уже год как работал на «Рекорде» – на единственном танцевальном радио Петербурга на тот момент.

Как вдруг с танцевальной музыкой на FM-волнах что-то стало твориться. Она начала раздваиваться, как чудовище в фильме «Годзилла 2». Было «тынц-тынц», а стало «тынц-тынц-тынц-тынц»... Было «бум-бум», а тут вдруг раз – и «бумов» стало в два раза больше.

Фанаты радио «Рекорд» начали нервно стучать по своим приемникам. И неожиданно вдруг слышали: «С вами радио «Динамит FM»! (Сегодня этот динамит взорвался и осталось от него лишь три буквы – «DFM». Так теперь называется это танцевальная станция).

В общем, в культурной столице появилось второе танцевальное радио. На волну по соседству въехал новый жилец – «Динамит».

До своей миграции в Петербург «Динамит» уже два года вещал в Москве. А потом решил завоевать и Северную столицу. И в один танцевальный момент отправился ее покорять.

Но не успел он доплыть и до «Медного всадника» как жестко во что-то врезался. То ли в Айсберг, а может быть, просто в буй... Но скрежет стоял такой, что обломки «Титаника» громко икнули. А препятствием этим, собственно, был «Рекорд».

«Ничего страшного, навверное, буй», – подумали на палубе «Динамита». «Ага, буй вам! Еще какой айсберг!» – подумали владельцы «Рекорда».

И действительно; проблема оказалась серьезной.

«Рекорд» не только имел монополию на танцевальную музыку в радиозэфире культурной столицы – других танцевальных станций на тот момент в Питере не существовало. Но был уже по-настоящему культовым радио – с крепким брендом и рейтингами, переливающимися за узко-танцевальный предел.

Для вновь прибывших на питерский радиорынок, это стало, как говорят в культурной столице, проблемой прямой кишки. Или, как говорят в Москве, – чисто конкретным, блин, геморроем.

Тот же формат, практически та же музыка, те же диджеи после двадцати одного – все одинаково. С одной лишь маленькой разницей: «Рекорд» известен и любим, а «Динамит» – нет.

В общем, питерская радиостанция рушила все надежды московских радиоконкистадоров. Новоприбывшим завоевателям «танцевальных земель» нужно было что-то предпринимать.

А что можно в такой ситуации сделать? Увы, братан, другого выхода нету!

Короче, конкурента нужно было валить.

И начальники «Динамита» стали вынашивать план по уничтожению.

А как проще всего сжить со свету радио той поры? Есть только один способ: нужно «убрать» его «становой хребет» – тех самых «незаменимых ведущих».

– Но как же, они ведь люди! – Убрать! – А может быть, все же... – Убрать!

Задача эта легла на плечи программного директора московского «Динамита». Им был некто Андрей Макаров по прозвищу Кровавый Динамит. (По правде сказать, такого прозвища у него не было. Но закроем глаза на эту серую прозу жизни.)

В общем, приехал Кровавый Динамит в Питер.

И первое, что он сделал – нарыл компромат. Разложил перед собой фотографии ведущих конкурирующего радио. На всех эфирных работников им было собрано исчерпывающее досье.

Над ведущими и диджеями нависла угроза! Они еще мирно спали, а их уже готовились устранить...

Сначала Кровавый Макаров всех этих диджеев вычислил. Потом тщательно всех «разработал». Потом закурил.

Потом поднял воротник. Надвинул на брови шляпу. И стал выслеживать приговоренных диджеев.

И однажды вечером в темном питерском переулке Макаров сунул руку в карман пальто... И резко достал оттуда оружие Макарова. Да, да, в его руке блеснул сотовый телефон! Он вынул мобильник и начал обзванивать диджеев «Рекорда». «Устранить» – означало переманить.

Переманить вождельных диджеев планировалось в два города: как на открывшийся в Питере «Динамит», так и на его московский аналог. Цель акции – гениальна и проста: единым выстрелом предполагалось убить двух зайцев – развалить конкурирующую радиостанцию за счет сманивания ее зайцев-ведущих и «поднять» свою собственную – того же.

Сработать все должно было четко. Еще бы! Ведь главный козырь музыкальных радиостанций тех лет – драгоценные работники пульта!

Короче, фитиль динамита был уже подожжен. Оружие директора московского радио было готово к бою. И первым в кого он выстрелил, был диджей Алексей Цветков...

Алексей Цветков на тот момент – не просто звезда питерской радиостанции. А самый известный в Петербурге диджей и, может быть даже, артист.

Артист-диджей был убит с первого выстрела! От сделанного ему предложения он отказаться не смог.

Цветкова поманили в Москву.

Не стану здесь называть суммы предложенного ему гонорара. Зачем травмировать чью-то психику? Не будем сеять социальную рознь.

Но дело было не только в зарплате.

Помимо выстрела гонораром Цветкова одурманили газом.

Ему обещали не только деньги. Ему обещали все.

А именно: бесплатное проживание в элитной московской квартире, утроенный пожизненный турбопиар: гарантировали развесить по всей столице его портреты. А также обещали посмертный пиар: а именно внос его тела с диджейскими дисками в мавзолей – то ли рядом с Лениным, то ли вместо. Впрочем, это неважно: подумав, от этого отказались. Ну и, контрольным в голову – «Пятнашку» евро... Тысяч, конечно... Так, чисто за переезд.

Пулеметная очередь была выпущена в питерского артиста на месте. Артист был сражен немедленно и наповал.

Даже сделанное в 1999 году предложение Владимиру Путину было не столь заманчивым! (В 1999 году Борис Ельцин сообщил о том, что он назначает будущего президента на должность премьер-министра.)

Но и «Рекорд» сдаваться не собирался. Расстаться с ценным сотрудником никто так просто не пожелал.

«Убитого» «Динамитом» Цветкова стали реанимировать. К сердцу диджея был представлен реанимирующий прибор. Дефибриллятор заманчивых предложений немедленно заискрился. Заманчивые предложения посыпались как горох.

Мифологический гонорар, бриллианты, яхты, кольца с браслетами... Таков был ответ владельцев питерской станции...

Разряд прибора был сильным – сердце диджея опять забилося. Мощный удар током артиста немедленно воскресил. Цветков ожил и зарумянился... Еще немного – и он остался бы «Рекорде»...

Но вражеская сторона пальнула в артиста снова. К яхтам добавились пароходы, к браслетам – жакеты, к кольцам – ковры. Диджею показали сундук сокровищ. И что-то еще, чему противостоять он уже не мог.

Что это было – уже неважно. Но Алексей был окончательно поражен. Убитый и оживленный, оживленный и снова убитый, раздираемый на части двумя радиостанциями, он был в конце-концов перетянут Москвой. Что, конечно, намного лучше, чем быть разорванным на две части. Ну типа, голова на «Рекорде», а ноги и попа – на «DFM»...

Но грохнуть «Динамиту» удалось далеко не всех.

Точнее, заезжие конкуренты не укукошили и половины. Большая часть «искушаемых змием» на Динамитово яблочко не повелась. Патриотизм или увеличенная втрое зарплата (а это часто одно и то же) – что стало главной причиной, сейчас уже трудно сказать. Но таки, да: большинство диджеев остались на родной станции.

Но радио война не заканчивалась. «Динамит» продолжал атаковать. Охота шла не только на диджеев – дневные ведущие попали в прицел тоже.

Одним из первых дневных ведущих, кому позвонил Андрей Макаров, был я.

Это была заведомая осечка.

К тому моменту я уже знал весь расклад со стратегией «переманивания». И был морально и танцевально к нему готов. Рекордовские ведущие поняли: их «соблазнять» будут тоже. Эту карту не преминули разыграть.

Еще бы!

Ведь эта история резко взвинчивала их цену! «Товарная позиция» у ценных ведущих создавалась сама собой. Не нужно повышать квалификацию – всех и без этого расхватавали как пирожки на вокзале. Не требовалось быть лучше – годилось и так!

Ведущие «Рекорда» оказались вдруг в положении «обратного цугцванга» (цугцванг – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции). Любой ход в данном случае вел лишь к победе: произвольное движение руки – и противнику мат.

Каждое действие ведущих заведомо приводило к выигрышу: либо ты уходил на новую радиостанцию за большую зарплату – разумеется, за большую, иначе зачем туда уходить? Либо тебя удерживали на старой, повышая твой гонорар – разумеется, повышая, иначе зачем оставаться?

Короче, работники эфира попали в ситуацию фантастической конкуренции. В совершенно нереальную с точки зрения сегодняшнего дня. Ведь это не они конкурировали между собой за работу на радио. А сами радиостанции сражались за них друг с другом.

Спрос на любой товар повышает его цену. А товаром в данном случае были ведущие. А значит, товаром был, и собственно, я.

В великой схватке двух танцевальных станций нужно было занять сторону. Приходилось быстро решать, с кем «идти танцевать».

Выбор был мною сделан заведомо в пользу «Рекорда».

Почему?

Во-первых, я был доволен условиями работы – мог делать в эфире то, что хочу. А во-вторых, было ясно как божий день: «сладкое предложение» – это тактика по разложению «Рекорда», а не стратегия приобретения «великого гения эфира».

Ну и плюс еще неожиданный разговор о прибавке зарплаты... Сам, прошу заметить, я ничего не просил!..

Короче, туда-сюда, двадцать в уме, еще пятьдесят в памяти... И в общем, да: я принял решение «захватчикам» отказать!

Конечно, в том случае, если они что-то предложат. Но я уже не сомневался: должны были предложить.

В то время я занимал центральное положение в дневном эфире радиостанции; имел максимум привилегий и эфирный праймтайм. То есть был с точки зрения противника блестящей разменной монетой.

Я был уверен, что с «Динамита» мне позвонят! И ждал своего звездного часа. Ведь что ни говори, а это момент счастливый. Ну в смысле, отказывать возбужденным начальникам...

И момент этот, конечно, настал.

– Здравствуйте! – однажды услышал я в телефонной трубке приятный мужской голос. Голос был настолько приятным, что сомнений не оставлял: это и есть оно! (Ну предложение, значит, о переходе...)

– Меня зовут Андрей, я программный директор радио «Динамит FM», – масляно продолжал голос.

– Андрей, – обратился мужчина ко мне, – как бы нам с вами встретиться. У меня к вам есть предложение. Я бы хотел...

Приятный баритон не успел завершить приятную фразу. Торжествующе про себя хохотнув, я уже важно произносил:

– Андрей, спасибо за предложение! Мне очень все это лестно, но я вынужден вам отказать.

Пауза.

Приятный голос стал еще более приятным:

– Постойте, но ведь вы даже не знаете, что я хочу предложить! – в баритоне слышалось явное удивление: «может, питерские ведущие под „предложением“ понимают интим?»

– Я бы хотел предложить вам работу!.. – торопливо уточнил голос.

– Спасибо, Андрей, я вас понял. Но я доволен настоящей работой. Поэтому, тысяча извинений, но я еще раз должен сказать вам нет.

В трубке снова возникла приятная тишина. Впрочем, скорее, недоуменная.

Трудно понять о чем в этот момент думал директор московской радиостанции: про комплекс Джадано Бруно? Или про питерских бессребреников? Или про то, как истекающий кровью, я стою под дулом начальства радио «Рекорд»?..

Но после минуты тягостного безмолвия он вопросительно протянул: «До свидания???»

– До свидания! – безжалостно добил я несчастного человека.

Это история завершает собой короткую, но незабываемую эпоху. Эпоху значимости радиозвезд.

Она мелькнула падающей звездой на небе. И навсегда исчезла в беззвездное небытие.

Подобное в наши дни – абсурд и чистая небывальщина.

Чтобы сегодня программный директор радиостанции гонялся за ведущими, работающими на другом радио! Это все равно...

Это все равно, что директор Газпрома будет лично звонить уборщице из Роснефти, чтобы переманить ее к себе в Газпром. Не то чтобы в Газпроме не нужны уборщицы... Но вы поняли.

Сегодня процесс перехода ведущих на другую радиостанцию выглядит менее драматично. И происходит это примерно так.

Один мой знакомый, дневной ведущий одной из питерских станций, уволился со своего радио. Точнее, радио перекупили, и он банально был сокращен. (А слово «уволился» – традиционная уловка. Наивная попытка сохранить лицо.)

А ведущий этот был прямо-таки звездой. С большим натруженным ртом и двумя огромными радиоорденами.

И вот радио накрылось – и он без работы.

Звонит мне и просит ему помочь: ну типа хочу к вам на радио. Замолви-ка, друг, за меня словечко. Предложи-ка своему программнику классного меня...

Ну я, конечно, словечко замолвливаю и классного ведущего предлагаю:

– Слушай, – говорю я программному директору «Рекорда», – есть тут один товарищ (здесь следует минутное описание его крутизны). Звезда такой-то радиостанции. У них радио гакнулось, и он временно без работы. Хочет попробовать к нам... Классный ведущий... Надо брать, пока не ушел на другое радио. Короче, я дам ему твой номер, окей?

А программный директор, заразительно так позевывая, отвечает:

– Да не, не надо пока ничего давать. Пусть сначала пришлет мне свое демо. (Демо – демонстрационная запись.) Я послушаю, потом, может быть, дашь...

На этом переманивание «классного ведущего» было закончено.

Я все это, значит, приятелю передал. И он тут же прислал свою демо-запись по нужному адресу.

Но программный директор сразу ее не послушал...

Не послушал он ее и на следующий день. И через день он ее не послушал тоже...

И даже сегодня, когда это демо празднует «бумажный юбилей» – с тех прошло уже ровно два года – результат остается прежним.

А давайте-ка я прямо сейчас позвоню программнику. Теперь-то уж послушал наверняка!

Сейчас, минутку, я его набираю...

Нет, – говорит, – пока еще не послушал. Завтра точно послушаю, – говорит...

Работа в эфире

Сегодня авиалайнер эфира выровнялся. Все встало на свои места. Радио – самолет. Слушатели – его пассажиры. Дневной ведущий – стюард (но, увы, никак не пилот).

Или магазин: где слушатели – покупатели, а ведущий – продавец-консультант.

Так это работает во всем мире. Так это теперь и у нас. Роли распределены. Правила выверены. Самодеятельность закончилась. Началась муштра...

Дневной ведущий поставлен в определенные рамки – его ввели в камеру-студию и строго определили: сюда ходи, сюда – не ходи...

Теперь он не титулованная эфирная особа. А даже, наоборот, – рудимент.

«Дневник» в наши дни – это копчик на теле радио: и пользы вроде бы мало, и удалить тоже никак нельзя.

Поэтому все чаще над ним нависает грозный вопрос: а так ли он необходим вообще? Ведь если роль этих эфирных работников столь условна и незначительна – нельзя ли их всех, как бы это выразиться, того... Немного оптимизировать...

Нельзя!

Почему?

Из-за «эффекта присутствия».

Что это такое?

Это присутствие в эфире живого, здесь и сейчас находящегося человека. Гуманитарный фактор, если так можно сказать.

У современного слушателя давно уже нет необходимости в ведущем как в оракуле, пророчествующем о градусах и заторах. Ведь доступ к такой информации сегодня равен нажатию на телефонный экран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.